

ВИКТОР МЯУКИН: «ЖИЗНЬ — ЭТО БОРЬБА ЗА ПРАВО БЫТЬ САМИМ СОБОЙ!»

Почётный гражданин Республики Карелия, генерал-майор милиции Виктор Петрович Мяукин почти пятнадцать лет возглавлял МВД по Карельской АССР. Придя в органы внутренних дел с поста первого секретаря Карельского обкома ВЛКСМ, он был в своё время самым молодым генералом в системе МВД СССР.

На посту министра он показал прекрасные организаторские качества, создал сильную и сплочённую команду соратников, которая добилась больших результатов в охране общественного порядка и борьбе с преступностью. Опыт МВД Карелии по различным направлениям деятельности доводился до всех областей, краёв и республик Советского Союза, и был известен всей системе на уровне городских и районных органов внутренних дел. Министр В. П. Мяукин пользовался огромным авторитетом среди сослуживцев и жителей республики.

Позже в переломные 1990-е годы он возглавлял Управление МВД СССР в ракетных и космических войсках Министерства обороны.

Представляем вниманию воспоминания Виктора Мяукина и его соратников о службе в МВД СССР.

ПЕСЧАНКА, ЗЕМЕТЧИНО, ЛЕНИНГРАД

Я родился 25 декабря 1931 года в селе Песчанка Земетчинского района Пензенской области. В семье был пятым ребенком. Мой отец занимался, как и его предки, кузнечным ремеслом. Ему принадлежала унаследованная от них кузница. Его отец, как и его братья, — все уроженцы Черной Слободы города Шацка Рязанской области. В конце 80-х годов XIX столетия за какие-то протестные действия против власти их, нескольких братьев Мяукиных, выселили за сотню километров от Шацка. Так они оказались в селе Песчанка на территории Пензенской области.

В 1936 году семья переехала в районный центр Земетчино, и дальнейшая наша жизнь была связана с этим местом.

В большой нашей семье — нас было с родителями семь человек — царили мир и порядок. Поскольку я был самым младшим, на меня, естественно, распространялся режим доброжелательности. Не исключаю, что допускались какие-то поправки, особенно со стороны старших сестер. Но в то же время в семье существовали свое воспитание, свои правила, свойственные многодетным семьям.

С 1939 года — учеба в школе. 1941-1945 годы — Великая Отечественная война. Отец, старшие сестры — Катя и Аня, брат Саша — на фронте. Сестра Маша в 1943 году поступила в ЛИИЖТ — Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Вступительные экзамены сдавала в Москве, училась в Алма-Ате (Казахстан), куда был эвакуирован институт; с 1944 года после прорыва блокады ЛИИЖТ вернулся в Ленинград. Так что военные годы я прожил в Земетчино вдвоем с матерью. От голода и

холода спасали корова и печка. С 10-летнего возраста знал, что такое заготавливать сено, дрова...

Мама обыкновенная, настоящая русская женщина — в вечных трудовых заботах и тревогах о муже, детях. Добрая и строгая. Была православной христианкой при муже — воинствующем атеисте. Отец в 1929 году сдал в колхоз свою кузницу, вступил в партию и принял большевистскую веру. Такие разные подходы к религии несколько не мешали им жить крепкой и дружной семьей.

Мой отец — старший сержант, всю войну исполнявший обязанности командира взвода связи, прошел боевой путь от Сталинграда до Праги. Четырежды раненый, дважды тяжело контуженный, трижды побывавший в штрафных ротах, повоевавший еще и в Маньчжурии на войне с Японией, он вернулся домой победителем с боевыми наградами и сохранившимся партийным билетом. Он был убежденным коммунистом.

В 1972 году, незадолго до кончины, отец приезжал ко мне в Петрозаводск. Я уже был назначен мини-

стром. Как он реагировал на это? Спокойно, без эмоций. Отца трудно было чем-то удивить после войны, где он столько увидел, пережил, испытал, где он убивал и его убивали. Конечно, он гордился, что его сын не потерялся в жизни, стал известным человеком, возглавил МВД автономной республики. А я, в свою очередь, горжусь своим отцом — настоящим русским мужиком. Честным, крепким, верным человеком. Такие, как он, на своем хребте удержали, сохранили Россию в военные и послевоенные годы. Горжусь, что оправдал надежды отца, сохранил честь и доброе имя семьи и фамилии...

Отец — Пётр Миронович Мяукин. Прага. 1945 г.

8-я группа IV курса юридического факультета Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова. (Второй ряд, в центре) Виктор Мяукин. 1953 г.

В 1949 году я закончил 10 класс средней школы. В школьном сочинении на тему «Кем хочу быть» писал, что хочу быть либо инженером железнодорожного транспорта, либо моряком – бороздить моря и океаны, либо дипломатом.

В Ленинграде подал документы для поступления в ЛИИЖТ. В этом институте училась моя старшая сестра Мария. Стал готовиться к экзаменам. В то же время изучал обстановку в Лесотехнической академии и в университете. В последний момент, за три дня до экзаменов, с трудом забрал свои документы в ЛИИЖТе и принял решение поступать на юридический факультет Ленинградского университета. Сдал экзамены, и был зачислен на первый курс ЛГУ.

Юридический факультет Ленинградского университета — это Михаил Давидович Шаргородский, мирового класса профессор уголовного права; Олимпиад Соломонович Иоффе — такого же класса профессор гражданского права, в 1954 году ставший самым молодым в стране доктором юридических

наук; Надежда Александровна Чечина — заместитель декана факультета и прекрасный специалист по гражданскому праву; другие замечательные преподаватели.

Университет воспитал во мне уважение к себе, здесь в ЛГУ сформировалось умение быть самим собой.

На распределительной комиссии по окончании университета попросился на работу в органы транспортной прокуратуры. Просьбу удовлетворили. Но в августе состоялась реорганизация этой структуры, и в Москве, в Генеральной прокуратуре на Большой Дмитровке, мне предложили на выбор весь северо-запад Российской Федерации, кроме Ленинграда, а также Томскую область. Согласился на Томскую область.

В понедельник в управлении кадров Генеральной прокуратуры я отказался от этого распределения и попросил направить меня в Карело-Финскую ССР. Меня пожурили, что за выходные дни так круто изменил решение, но дали направление в распоряжение прокуратуры Карело-Финской ССР.

ЗДРАВСТВУЙ, КАРЕЛИЯ!

Август 1954 года. За окнами вагона — карельский пейзаж, пригороды Петрозаводска, и вот наконец по поездному радио объявляют: «Наш поезд прибывает в столицу Карело-Финской Советской Социалистической Республики город Петрозаводск».

Вокзал представлял собой деревянный одноэтажный дом, построенный еще в период Первой мировой войны. На перроне сквозь асфальт пробивалась зеленая травка, на которой паслись теленок и привязанная коза. С выпускником Московского автомобильного института по фамилии Кац, я познакомился в поезде, мы пошли пешком до гостиницы «Северной». Мой новый знакомый получил работу в автодорожном техникуме, а я был назначен следователем Кондопожского района.

Началась новая жизнь в Кондопоге. Я следователь прокуратуры Кондопожского района. Один и единственный на весь район. В милиции такой должности тогда не было, а это значит, если коротко, все трупы — мои. Все убийства в районе, разбои, грабежи, значимые кражи и многое другое проходили через меня. Подчеркну, что это был 1954 год. Потом, спустя многие годы, на экраны выйдет интереснейший фильм под названием «Холодное лето пятьдесят третьего» с участием Анатолия Папанова. Фильм правдиво и сильно показал сложную криминальную обстановку того времени.

Кондопога — рабочий город. Главное градообразующее предприятие — Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат. Кроме него, завод железобетонных изделий, Кондопожская ГЭС, ряд других предприятий. Во время войны город был основательно разрушен. Работа следователя проходила в круглосуточном режиме. Постоянные и бесконечные поездки по району.

В прокуратуре засиживался допоздна, порой засыпал за рабочим столом. Проснувшись, переползал в соседний прокурорский кабинет — на диван.

Постоянно надо было выезжать на места происшествий, печатать множество документов, иногда совмещать работу следователя с обязанностями руководителя прокуратуры. Тем не менее участвовал в турнире на первенство района по шахматам, где занял второе место, ездил на республиканский турнир в Олонце. Занял третье место.

С 1957 года я перешел на комсомольскую работу. Думаю, мою работу следователя и активность в общественных делах заметили в прокуратуре и в райкомах партии, комсомола. Хорошо помню прокурора республики Николая Павловича Жу-

кова. Это был маститый, авторитетный человек. Однажды, когда он был в Кондопоге, ему, вероятно, что-то рассказали обо мне. Он захотел присутствовать на допросе по одному уголовному делу, которое я вел. Около часа вместе с прокурором района Петром Михайловичем Дубовым они сидели на этом допросе. Я допрашивал обвиняемого, а они слушали, не вмешиваясь.

Приезжал и проявлял интерес ко мне начальник следственного управления прокуратуры Николай Иванович Борзцовский. На семинарах, которые проводила прокуратура республики, мне давали слово, то есть заметили в прокуратуре и вроде бы не должны были отпускать. Но тогда ситуация была такая, что работа секретаря райкома комсомола считалась важнее, чем работа следователя. Меня отпустили с формулировкой: «В связи с переходом на руководящую работу». Не могли возражать партии, поскольку решение принимали партийные органы.

В. П. Мяукин. 1957 г.

Работники Кондопожского райкома комсомола и комсомольские активисты. (В центре, в первом ряду) Виктор Мьяукин. 1957 г.

НОВАЯ СТУПЕНЬ – КОМСОМОЛ

Своего рода «крестным» в комсомоле для меня стал Николай Никифорович Басов — первый секретарь Кондопожского райкома партии. Интересная личность. Человек, располагающий к себе, принципиальный, высокой культуры. С его подачи я и перешел в комсомол. Он пригласил меня и сказал:

— Следователя в прокуратуру мы найдем. А вам молодежь надо заниматься.

Он уговорил меня. И я согласился перейти в райком комсомола на должность второго секретаря. Почему мне предложили пост второго, а не первого? Вероятно, видели некоторые мои сомнения в отношении новой работы. И не стали рисковать. Мол, раз он не особенно хочет переходить, не рвется на эту работу, то неизвестно, как пойдет у него дело...

Чем занимался на посту второго секретаря? Почти всем, в том числе и кукурузой. Тог-

да лидер партии и страны Хрущев объявил: «Кукуруза — королева полей». Вот и в Карелии стали ее выращивать. Помню дали задание посадить два «комсомольских гектара» в Илемсельге. Первый секретарь райкома комсомола Нина Абросимова как-то говорит мне: «Это ваше дело — займитесь».

Хорошо. Я взял весь небольшой аппарат райкома — это всего-то несколько человек, поехали в Илемсельгу, прошлись по нашему полю. Смотрим, а кукуруза у нас не растет. Ну что делать? Костер разожгли, песни попели, грибы немного пособирали в окрестном лесу. Вернулись, доложили: «Обработали комсомольский гектар». Смехота! И формализм. Но куда денешься. Был строгий партийный наказ — выращивать кукурузу.

Запомнилось как меня избирали первым секретарем райкома комсомола. Вопрос, естественно, должен был решаться на отчетно-выборной конференции. Приехали из

В те годы Карелия входила в число регионов с развивающейся промышленностью — модернизировались Кондопожский и Сегежский целлюлозно-бумажные комбинаты, создавался Надвоицкий алюминиевый завод, намечалось строительство Костомукшского ГОКа и Западно-Карельской железной дороги. По путевкам партийно-советских и комсомольских органов в Карелию прибывало много молодых рабочих и инженерно-технических кадров, которые внесли весомый вклад в развитие промышленного потенциала республики.

(На фото) первый секретарь Кондопожского райкома комсомола Виктор Мьяукин выступает перед участниками семинара комсомольского актива района. Кивач. Июнь. 1958 г.

Петрозаводска руководящие работники. Им было поручено провести после конференции организационный пленум райкома и избрать меня первым секретарем.

Я знал об этом, но для себя принял другое решение. Работа в комсомоле в тот момент казалась мне неконкретным делом. На посту второго секретаря мне было скучно, и я был твердо намерен вернуться на работу, связанную с юриспруденцией.

Накануне конференции меня пригласили на бюро райкома партии (на посту первого секретаря Н. Н. Басова уже не было), где и состоялся первый разговор на эту тему. Я сказал, что меня работа в комсомоле не устраивает, хочу вернуться на следственную. Тогда разговор перевели в другую плоскость:

— Вы кандидат в члены партии, обязаны подчиниться партийной дисциплине...

Я согласия не дал. На следующий день идет конференция, я ее веду. Примерно в семь-восемь часов вечера она закончилась. Начинается организационный пленум, в котором участвуют примерно человек пятьдесят. Выдвигают мою кандидатуру на пост первого секретаря райкома. Выхожу и делаю заявление, что хочу работать по специальности.

И тут началось!

— Вы должны... Вы обязаны...

Еще раз предложили. Я вновь отказываюсь. Уперся, как говорят, «рогом».

В конечном итоге решили мою кандидатуру снять и оставить Нину Абросимову, то есть переизбрать ее на второй срок. Но тут начались еще большие дебаты. Теперь уже в мою поддержку.

— Мало ли что он отказывается. А мы за него. Надо его избирать. Мы его знаем, и он нас знает. Он сможет...

Дебаты шли почти до часа ночи. Все устали. И вот вновь вопрос ставят на голосование: «Предлагается кандидатура Нины Абросимовой. А с Мяукиным разберемся в партийном порядке».

За неё подали голоса лишь мои друзья, которых я попросил, а за меня – все сорок с лишним человек. Что ж, надо уважать выбор людей. Я вышел и сказал: «Ну раз избрали — буду работать. Завтра в восемь утра прошу собраться членов бюро...»

Потом меня утверждали на бюро обкома партии. Первый секретарь обкома Леонид Игнатьевич Лубенников спокойно и мудро сказал тогда при утверждении: «Виктор Петрович, вы еще успеете вернуться на работу по своей профессии. А сейчас надо поработать с молодежью. Мы надеемся на вас».

И так я начал работать. Первым секретарем мне было интереснее. Начал раскручивать стройки. Помню, собрали пленум райкома по строительству. Сказал: «Вот школа строится. Давайте все отработаем там столько-то часов».

Обговорили детали, утвердили. Какой-то особый настрой у меня и у всех в тот день был — предложил при завершении пленума исполнить «Интернационал». Напомню, что по принятым тогда нормам, партийный гимн «Интернационал» исполняли при завершении партийных съездов, конференций. А тут вдруг мы на пленуме райкома комсомола его поем...

Так совпало, что в тот день в Кондопожском райкоме партии находился второй секретарь обкома КПСС Николай Прокопьевич Вторушин. И вот сидит он в кабинете первого секретаря райкома партии, беседует о делах и вдруг слышит пение «Интернационала».

— Что такое? Что там происходит?

— Это комсомольцы проводят пленум по строительству.

Вторушин тогда вел вопросы строительства и, конечно, не мог не заинтересоваться тем фактом, что комсомольцы района беспокоятся о проблемах строительства. Думаю, с того времени меня стали замечать гости из Петрозаводска.

На посту первого секретаря райкома комсомола я был достаточно независим и старался вести свою линию. Помню такой эпизод. Разгар лета. По традиции было принято всех кого можно направлять на заготовку сена и кормов. А я сказал:

— Мы едем на Кивач проводить трехдневный семинар актива.

Мне говорят:

— Да ты что?! Все будут сено косить, а вы прохлаждаться на природе?

А я в ответ:

— Раз доверили возглавлять райком комсомола, буду делать так, как считаю нужным. Нам надо учить актив.

Должен признать, что по отношению к комсомолу, к общественной жизни молодежь тогда была достаточно пассивной. Непросто было ее поднять на какие-то полезные дела. Помню, пришел на бумкомбинат поговорить о делах, о комсомоле, а в ответ слышу: «Да что твой комсомол может?»

Среди участников той встречи были Толя Хямляйнен, Коля Бирюков. От них веяло невообразимым скепсисом. Я их пригласил тогда в райком: «Приходите — поговорим, поспорим...» Потом я с ними познакомился поближе, подружились, они стали одними из самых активных наших помощников.

Со временем нам удалось собрать и создать в районе хороший комсомольский актив, привлечь силы молодой интеллигенции — инженеров, врачей, педагогов. И потом из этих ребят получились прекрасные помощники. Они росли как активисты, общественники, а вокруг появлялся свой актив.

1958 год. Петрозаводск, обком ВЛКСМ. 40-летие комсомола. В честь юбилея в Петрозаводске прошел торжественный пленум обкома ВЛКСМ. Накануне на улицах города состоялось красочное факельное шествие молодежи.

Работал с полной самоотдачей. Поездки на союзные мероприятия в Москву, зарубежные — в Австрию, Финляндию, которые расширяли кругозор, пополняли жизненный багаж опытом.

В ноябре 1959 года — избран первым секретарем Карельского обкома ВЛКСМ. Заменил на этом посту А. Н. Шлямина, который перешел на партийную работу.

1961 год. Хельсинки. Двухнедельная поездка в составе делегации Комитета молодежных организаций СССР, в которую вошли заведующий отделом ЦК комсомола, я — как первый секретарь Карельского обкома, и переводчица из Ленинграда. В то время это были редкие поездки. Нас принимали разные партии — и левые, и правые. Запом-

нилась встреча с представителями Союза правых сил — юристами, банкирами... Была дискуссия с ними о правах и свободах. Мы отстаивали свою, выверенную нашей партией, линию, а они — свою.

12 апреля 1961 года в Хельсинки мы были свидетелями мощного всплеска эмоций финнов. В столице Финляндии неожиданно вдруг все оживилось, все что-то радостно кричали, махали руками, бросали вверх головные уборы, и это несмотря на отвратительную погоду — промозглый ветер и мокрый снег. Оказывается, пришло сообщение о том, что человек покориł космос, и первым космонавтом Земли стал Юрий Гагарин. Восторгу финнов не было предела. Нашей радости и гордости — тоже.

Как секретарь обкома комсомола я набирал силу и позволял себе самостоятельные действия, что не нравилось старшим товарищам по партии.

Нарастал конфликт, который прорвался на областной партийной конференции в декабре 1963 года.

Я позволил себе критиковать обком за бюрократизм в работе с комсомолом, при этом сорвал мощные аплодисменты, но... я ошибочно думал, что в период так называемой хрущевской оттепели можно было себе позволить немножко свободного поведения. Буквально через несколько дней решался вопрос о моей работе...

Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Теплоход «Грузия». Встреча артистов Петрозаводского балета «Сампо» с космонавтом Юрием Гагариным. (Справа) Виктор Мяукин. Хельсинки, 1962 г.

«МЯУКИН — НЕСЕРЬЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

де-то через неделю после того выступления на партконференции меня пригласили в обком партии и сказали примерно так:

— Вот вы критиковали обком и работу орготдела. Вам не нравится стиль работы его заведующего. Предлагаем вам должность его заместителя...

Иезуитское и издевательское предложение! Я, естественно, оказался. Дальше происходит следующее. Заходит заведующий отделом пропаганды и агитации обкома партии М. Х. Киуру. Узнает, о чем мы говорим, и предлагает мне идти заместителем в его отдел.

Я отказываюсь — «в обком работать не пойду». В обкоме крутили, вертели этот вопрос... «Где хотите работать?»

И я тогда назвал вариант. Многие уходили в тот период из комсомола в КГБ на высокие посты. Александра Шелепина в 1958 году с поста первого секретаря ЦК комсомола перевели ненадолго в ЦК партии, и в том же 1958-м поставили во главе КГБ. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Владимир Семичастный в 1959 году расстался с комсомолом, а в 1961 году, поработав в ЦК Компартии Азербайджана, стал председателем КГБ СССР, сменив Шелепина. С приходом Шелепина, а затем Семичастного в руководство КГБ, в центре и на местах, естественно, переходили и бывшие руководящие работники комсомола.

И я сказал, что хотел бы работать в КГБ. И тут в обкоме задумались, но в итоге отказали. Среди причин и такая: мол, Мяукин — «несерьезный человек». Кстати, пройдет время, и бывший сотрудник КГБ расскажет мне, что на меня тогда завели «дело». И спустя годы в этом ведомстве как-то зашел примерно такой разговор: «На кого мы дело завели? Мяукин — министр внутренних дел республики!»

...Ладно, если не в КГБ, тогда готов пойти в МВД. Министерство предложило должность начальника следственного отдела. Но министру позвонили и сказали, что Мяукина нельзя использовать на первых ролях. Где угодно, но не на первой роли. В итоге меня назначили заместителем начальника следственного отдела в звании... капитана.

В. П. Мяукин. 1962 г.

Помню, пришел приказ МВД СССР о присвоении первоначальных офицерских званий. Принесли мне для ознакомления. Смотрю по алфавиту — на букву «М»: «присвоить звание капитана милиции» участковому инспектору одного из районов и заместителю начальника следственного отдела МВД КАССР — это мне. Фамилии рядом. Ну, думаю, Мяукин, опустили тебя до уровня участкового...

Членом ЦК комсомола я еще оставался, ездил в Москву на пленумы ЦК ВЛКСМ и видел, что некоторые мои бывшие коллеги, тоже расставшиеся с комсомолом, получили, например, должности заместителей министров внутренних дел и погоны полковников. Не скрою — было обидно, но держался.

Какую позицию занял тогда первый секретарь обкома партии И. И. Сенькин? Он относился ко мне, когда я работал в комсомоле в целом хорошо. Так было и позже, когда я работал в МВД. Но когда я раскритиковал обком партии, все в его окружении сказали: «Что такое — это незрелый человек. Мы потеряем контроль над комсомолом, если будем позволять такую критику...» И Сенькин,

**Встреча с героиней Кубы Анхель Алонсо
в Петрозаводском университете**

как человек системы, должен был считаться с этим. Со мной тогда поступали жестко и однозначно.

В те дни и месяцы многие из партийных чиновников перестали здороваться со мной. В упор смотрят и... не здороваются, делают вид, что не видят, не знают. Они не скрывали, что считали меня неудачником, неуспешным человеком. Как же иначе — была у него такая должность, был членом бюро обкома партии, депутатом Верховного Совета КАССР, членом ЦК ВЛКСМ и... оказался внизу.

Тогда я потерял многих друзей. Даже в обкоме комсомола. Вернее не друзей, а знакомых. Настоящие от меня не отвернулись. А вот некоторые из бывших друзей стали говорить примерно так: «А мы в команде Мяукина не работали. Мы работали в команде Шукина, потом Шлямина...»

Конечно, я оказался в унижительном положении, было обидно и за себя, и за комсомол. Как будто я и не «пахал» денно и ночью в комсомоле. Получилось, что я вроде как не оправдал высокого доверия. И вместо благодарности получил пинок в соответствующее место...

Чиновничий мир, карельская бюрократия, которые прежде передо мной уважительно расшаркивались (ведь я входил в состав бюро обкома КПСС, был депутатом Верховного Совета республики, членом ЦК ВЛКСМ), теперь меня в упор не замечали. Я был, по их мнению, большим неудачником, а потому многие от меня отвернулись. Ну что делать?

Стал работать. Как заместитель начальника отдела брал уголовные дела средней тяжести в свое производство и после восьмилетнего перерыва восстанавливал свою следственную практику.

После работы в комсомоле почти в круглосуточном режиме работать на новой должности в МВД можно было в режиме служебного времени. Это значит, что у меня появилось время для семьи и для себя, в том числе для чтения классической и современной литературы. Перечитывал Чехова, Гоголя, Куприна, Шолохова, Симонова и других русских и зарубежных классиков. Заболел творчеством Александра

Ивановича Куприна и поэзией Сергея Есенина. Завязалась крепкая, на всю жизнь, дружба с художником и поэтом Карелии Алексеем Авдышевым.

Отошел от публичной деятельности. Отпуск проводил несколько лет со всем семейством на Шотозере. Жили в палатке.

Обстановка для меня в министерстве была непростой. Кто-то относился ко мне уважительно, а кто-то свысока, снисходительно. Что ж, терпел, сдерживался. Однажды был в командировке в Сегеже. Работники ОБХСС во главе с начальником — полковником Сельшевым — требуют возбуждения уголовного дела и ареста женщины, работавшей буфетчицей в бане. Возражаю. Не ахти какое преступление. К тому же у нее трое детей. Можно ограничиться отказным материалом. И вот сцена. В кабинете начальника Сегежского райотдела милиции А. Куликова несколько работников ОБХСС (Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности) и я со следователем. Разрастается скандал. Обэхээсники настаивают на возбуждении уголовного дела, я — против. Меня обвиняют в отсутствии профессионализма и так далее. Упорствую. Тогда начальник ОБХСС в пылу полемики бросил мне в лицо оскорбительную фразу: «Это тебе не в комсомоле девок гладить. Здесь, в МВД, надо работать...»

И тут я не сдержался — «сработала пружина». Я обрушился на него самыми крепкими словами. В комсомоле мы работали чест-

но, с полной самоотдачей, и я никому не мог позволить упрекать нас.

Когда я произносил эти ругательства, в дверях кабинета появился находившийся в Сегеже в командировке заместитель министра внутренних дел полковник Лесничук в сопровождении свиты. Начальник райотдела, увидев его, упал на колени, стал креститься и неоднократно произносить, как молитву, увещевание: «Да туды вашу три Господа Бога мать! Ведь в одной конторе работаем...» Поскольку тогда все были атеистами, это была картина, достойная гоголевского пера.

Вечером я пошел к первому секретарю райкома КПСС Василию Кузьмину, с которым были знакомы давно — с комсомольских времен. Рассказал о скандале. О произошедшем стало известно и в обкоме КПСС. Через неделю состоялась коллегия МВД республики, на которой начальнику ОБХСС было предложено уйти в отставку. Значит, обком партии принял мою линию поведения.

С этого времени среди работников МВД меня никто никогда не попрекал комсомолом. Поняли, что это может привести меня в ярость.

Вскоре в один из дней ко мне на квартиру нагрянул секретарь обкома партии А. Н. Шлямин. Он сказал, что рассматривается вопрос о первом секретаре Беломорского райкома КПСС, и если я дам согласие, то бюро обкома завтра же утвердит меня в этой должности. Я отказался. Не сомневался в искреннем желании А. Шлямина помочь мне достойно выйти из сложившегося положения, но я не доверял аппаратчикам в обкоме. Забираться с маленькими детьми в северный район, откуда можно было бы выбраться только благодаря гибкому позвоночнику?! Нет, это не годится! Доверия к обкому у меня не было.

В 1967 году Карельский обком КПСС сменил гнев на милость и согласился с предложением министра о назначении меня заместителем по кадрам, и я в звании майора милиции — думаю, что в таком звании это был редчайший случай выдвижения в системе МВД страны — был назначен на эту должность. На этот раз я не отказывался.

В 1969 году выступил на Всесоюзном совещании руководителей кадровых аппаратов МВД СССР. Подверг критике руководство

министерства за невнимание к периферии. Смотрели на меня с большим удивлением — такая критика в МВД не поощрялась. Тем не менее именно тогда меня заметили и стали присматриваться.

Примерно в это же время произошел интересный инцидент. Меня пригласил секретарь обкома КПСС Н. С. Тихонов, курировавший административные органы, и в присутствии заведующего административным отделом М. С. Миммиева от имени бюро обкома предложил должность прокурора Карельской АССР. Он сказал, что вопрос решен, согласован с ЦК КПСС, Генеральной прокуратурой. Сомнений в том, что я могу от этого предложения отказаться, у них не возникало. Тихонов даже объявил, что на бюро кто-то напомнил, что в период работы в комсомоле Мяукина «заносило», но все решили, что это издержки молодости. И каково же было удивление партработников, когда я категорически отказался от предложения и оскорбился, что кто-то считает, что меня «заносило» в комсомоле.

Часа два меня уговаривали — предлагали «не горячиться, подумать до утра» и прочее. Меня оскорбило и то, что вопрос о моем назначении согласовали, предварительно даже не узнав мое мнение. Это была «тупорылая» работа партии с кадрами. Я наотрез отказался «подумать до завтра» и на следующее утро в обком не пришел. Меня не прельщала эта прокурорская должность, где также надо было иметь «гибкий позвоночник». Признаюсь также, что у меня еще не пропала обида на обком КПСС за то положение, в котором я оказался после работы в комсомоле.

Доложили об этом первому секретарю обкома партии И. И. Сенькину — он был на отдыхе в Болгарии. Он сказал, что на такую должность «через колено» ломать не надо. Отстали. Правда, Н. С. Тихонов позвонил Агапову и сказал, что Мяукин как был «несерьезным человеком, таким и остался». Казалось, что моя карьера на этом завершилась.

Но, тем не менее, обстоятельства сложились иначе. Осенью 1971 года в Москве проходило традиционное годовое всесоюзное совещание руководящего состава МВД СССР с приглашением министров, начальников УВД республик, краев, областей. Министр П. Г. Агапов, как и в предыдущие три года, сославшись на нездоровье, на совещание не поехал.

***Расширенная Коллегия МВД СССР в Горьком (Нижнем Новгороде).
Выступает министр Н. А. Щелоков. 1971 г.***

Агапов был министром старой сталинской закваски. Участник Великой Отечественной войны, служил в подразделении «СМЕРШ». Он был немногословен, решителен, хорошо знал свое дело. На посту министра находился уже с десяток лет. Среди сотрудников пользовался непререкаемым авторитетом. Но война и непростые послевоенные годы заметно подточили его здоровье, и это не могло не сказываться на работе. Он был болен и при любой возможности уезжал на дачу, на природу. Вот и на этот раз он не поехал на совещание. Нашли повод не поехать и другие заместители министра — Харитонов и Дробаха. Поэтому пришлось ехать мне — заместителю министра по кадрам.

Совещание проходило два дня и в два этапа. Первый этап — в Горьком (ныне Нижний Новгород), где изучался положительный опыт работы штабных подразделений, второй — в Москве, в Академии МВД. Порядок был такой: с докладами выступали все заместители министра страны по своим линиям (их было семь-восемь), затем прения, а заключение делал министр Н. А. Щелоков.

В своих докладах заместители по полной программе критиковали работу МВД Карелии, критиковали и по делу, и по поводу и без повода. Казалось, что у нас ну все плохо, хотя лично я так не считал. Бывает же так — мы попали в полосу критики. С крупными регионами — Украина, Белоруссия, прибалтийские республики, Москва, Ленинград, Свердловск и другими — обходились аккуратно, осторожно, а на какой-нибудь Вологде или Чите, Тамбове отрывались в критике на полную «катушку». На этот раз учили, как не надо работать, именно на примере Карелии. Тогда я понял, почему не поехали ни Агапов, ни Дробаха, ни Харитонов.

На совещании я был спокоен. Совесть моя была чиста. Как заместитель министра по кадрам я работал с полной отдачей, и кстати, единственная линия, по которой не критиковали Карелию, это работа с кадрами. Да и вообще не так уж плохо шли у нас дела в МВД, как преподносили в докладах. Критика была излишне обвинительной. Но все равно было неприятно. Я понимал, что готовится замена министра Карелии...

НАЗНАЧЕНИЕ НА ПОСТ МИНИСТРА

В феврале 1972 года я находился в командировке в Беломорске. Мне сообщили, что пришла телеграмма и меня срочно вызывают в Москву. Возвращаюсь в Петрозаводск. В обкоме партии ничего не говорят, в правительстве — тоже. Тишина. Ну, думаю, приглашают меня либо по каким-то служебным делам, либо хотят советоваться по кандидатуре министра. Уверенности, что могут предложить должность министра мне, не было. Тем более что со мной на эту тему ни в обкоме, ни в правительстве никто не разговаривал.

Приезжаю в Москву. Появляюсь у начальника Управления кадров И. И. Рябика. Он сообщает мне, что в четырнадцать часов состоится коллегия МВД, на которой в числе других будет обсуждаться вопрос о министре внутренних дел Карелии, для чего меня и пригласили.

В приемной министра, где проходила коллегия, Рябик спросил меня, беседовали ли со мной первый секретарь обкома и председатель Совета Министров республики. Я сказал, что нет. Он сделал большие глаза и выразил недоумение:

— Это беспрецедентный случай, такого у нас еще не было!

Я в ответ говорю ему, что им и незачем со мной встречаться, потому что они знают меня как облупленного, еще с комсомольской работы.

— Если вас об этом спросит министр, скажите, что они с вами встречались.

Коллегия приняла решение просить ЦК КПСС согласиться с ее предложением о моем назначении.

На следующий день состоялись «смотрины» в административном отделе ЦК КПСС — инструктор, заведующий сектором, заместитель заведующего отделом. Смотрели там на меня с неподдельным интересом и больше критически, чем располагаяще. Обращали внимание на мою относительную молодость и отсутствие опыта оперативной работы. Но предложение Н. А. Щелокова рассматривали. Он был как министр на подъеме и к тому же, как и Ю. В. Андропов, в фаворе у Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

Вернувшись в Петрозаводск, я позвонил Сенькину, и сразу же был им принят, получил

напутствие для будущей работы. Больше я никому о московских делах не говорил, потому что не был уверен, что меня все-таки назначат. В министерстве было спокойно, утечки информации не произошло до тех пор, пока не пришел приказ о моем назначении.

Почему со мной не встречались до поездки в Москву? Полагаю, что у обкома партии были другие предложения, но в Москве предложили либо мою кандидатуру, либо прислать кого-то из центра. Обком молча согласился на Мяукина. Хоть он и «такой», но все же свой.

Достойным кандидатом был Л. В. Харитонов. Думаю, что его и предлагали в республике. Он был настоящим милиционером — «от и до», профессионалом, у него были опыт, авторитет, умение себя вести. Но он был на несколько лет старше меня и, по мнению центра, вряд ли мог внести свежую струю в работу министерства. Так или иначе, в конечном итоге выбор пал на меня. Думаю, что и центр, и руководство республики не промахнулись, потому что почти пятнадцать лет я нес этот крест по дороге на Голгофу. И хорошо, что не распяли...

Не помню деталей, но мое назначение было полной неожиданностью и для сотрудников нашего министерства, и для общественности Карелии. Это был эксперимент, который проводила команда Н. А. Щелокова, эксперимент по выдвижению свежих сил в систему МВД. Поэтому на первых порах ко мне очень внимательно присматривались, и моя задача состояла в том, чтобы оправдать надежды одних и разочаровать других, в меня не веривших. Я же рассматривал свое назначение как большое доверие, большую ответственность, которые обязывали меня своим трудолюбием и умением оправдывать это обстоятельство.

Трудовые будни начинались подъемом в шесть ноль-ноль (по природе своей я «жаворонок» и вставал легко), с семи до восьми — бассейн, лопатил свои тысячи метров на воде и двадцать пять метров под водой; в восемь тридцать я на рабочем месте; без пятнадцати девять — селекторное совещание с руководящим составом; в девять ноль-ноль оно заканчивалось, и шла работа минимум до двадцати одного часа. Плюс

бесконечные звонки и в ночное время, выезды на ЧП, всевозможные совещания-заседания, командировки и так далее, и тому подобное.

Надо было менять вектор работы министерства с учетом новых веяний, исходивший от команды Щелокова, начальника Штаба МВД СССР Крылова; влиять на преступ-

ность через профилактику, а для этого перестраивать работу всех служб; привлекать к нашим проблемам силы общественности. Стало быть, необходимо строить надежные отношения с партийными и советскими органами, а значит, становиться и политиком, и дипломатом, и организатором публичной деятельности.

В 1972 году Виктор Петрович Мяукин был назначен министром внутренних дел республики и почти 15 лет находился на этом ответственном посту. Никто из министров внутренних дел республики до него и после не занимал этот высокий пост так долго и не сделал так много. МВД Карелии под его руководством был накоплен большой положительный опыт

СЕГЕЖСКИЙ ЭКЗАМЕН

Первая моя поездка состоялась в Сегежу. Это крупный по карельским меркам район, где дислоцировались несколько исправительно-трудовых колоний. Здесь расположен крупнейший в Европе целлюлозно-бумажный комбинат, среди населения очень большое количество осевших ранее судимых, в том числе после строительства Беломорско-Балтийского канала.

...Еду в купе с председателем парткомиссии М. И. Захаровым. В Медвежьегорске в вагон заходит начальник медвежьегорской милиции и говорит о том, что в Сегеже массовые беспорядки: заключенные новой колонии взбунтовались, подожгли несколько объектов в строй-зоне, вышли из повиновения.

Приезжаю в Сегежу ночью. Разбираюсь. В Сегеже в то время развернулось большое строительство — шла реконструкция ЦБК, активно строили жилые дома. В связи с этим создали еще одну исправительно-трудовую колонию, и для нее Главсевзапстрой, который возглавлял Л. Д. Катанандов, запросил две тысячи осужденных. Обком и ЦК КПСС поддержали это предложение.

МВД СССР, выполняя эту задачу, направило разнарядку в двадцать областей страны. Оттуда направили в новую колонию по сто человек. Отдали, конечно же, самых отпетых, самых неугодных для них осужденных, так называемую «отрицаловку».

В один из дней, когда около трехсот человек вывезли на объект, возник инцидент с солдатом-охранником. Группа осужденных выкрикивала в его адрес оскорбительные слова. Он терпел. Но когда они стали бросать в него камни, он вышел из равновесия и выстрелил на поражение. Пуля попала одному из зачинщиков в живот... Стоны, ахи, кровь... Заключенные возбудились и начали жечь все, что могло гореть на стройке. Их вернули на зону, и загудела вся колония — около двух тысяч человек. Ночь у осужденных прошла бурно.

Что делать? Соглашаюсь с предложением утром вывести всех на строительные объекты в городе (6-8 объектов). То есть мы пытаемся создать нормальный ритм работы всего контингента. Это решение было правильным. Но новые беспорядки не заставили долго ждать.

В полдень на одном из объектов заключенные, около двухсот человек, вышли из повиновения. Они стали ломать строительную технику, поджигать строения, таранить с помощью тракторов и бульдозеров охранный забор и так далее. Охрана и представители колонии вынуждены были ретироваться за пределы объекта. На призывы начальника колонии, прокурора района отвечали градом камней.

Снова вопрос: что делать? Принимаю решение. Выстраиваю группу солдат внутренних войск — около двадцати человек, даю команду приготовить оружие к действию. Они лязгнули затворами. Все это делалось на виду у заключенных, которые находились на крышах нескольких недостроенных домов и с интересом наблюдали за тем, что будет делать прибывшее начальство. Я тем временем сел в машину, в сопровождении этих солдат въехал через ворота на объект и через громкоговоритель предложил всем заключенным выйти, сесть в свои «коломбины» (транспортные средства для перевозки заключенных) и отправиться в колонию. Призыв в этой обстановке подействовал. Команду выполнили.

А в Москве уже работал штаб в МВД СССР по руководству сложившейся ситуацией, который возглавил министр Н. А. Щелоков. Дело в том, что в то время в стране возникали массовые беспорядки в колониях Казахстана и Украины. При пресечении беспорядков применялось оружие и погибало большое количество заключенных. Это вызывало определенный общественный резонанс, в том числе за рубежом. В стране эти события замалчивались. Власти на беспорядки реагировали нервно.

Тем временем в Москве штаб по Сегеже получал информацию от работников КГБ, которые принимали активное участие в этом деле. Возможно, была информация и по нашей, эмвэдэшной, линии, но мне самому было не до этого. Ясно, что Москва внимательно следила за происходящими в Карелии событиями.

Так вот, я в этот момент получаю указание через дежурную часть — не помню, кто его подписывал, — не возвращать этих двухсот заключенных обратно, а направить их в разные колонии, расположенные примерно в со-

Министр внутренних дел Карелии полковник внутренней службы В. П. Мяукин выступает в коллективе завода «Авангард» г. Петрозаводск. 1973 г.

рока километрах от Сегежи — в Надвоицах. Теоретически это указание было правильным. Заключение в таких ситуациях надо рассредоточивать. Но это верно теоретически. Такие рекомендации хороши для учебного процесса в Академии МВД.

А практически? Как можно везти этих разъяренных заключенных в другие колонии, где своих проблем полно?! Колонии были переполнены, контингент размещался в старых деревянных, еще со времен Беломорско-Балтийского канала, постройках. Одна колония была для особо опасных преступников. Там содержались убийцы, насильники, грабители, приговоренные к самым высоким мерам наказания, так называемые «полосатики». Кстати, руководил этой колонией

Гумар Нургалиев, отец Рашида Нургалиева, который в 2004-2012 годах возглавлял МВД РФ. Вывозить туда этих заключенных — все равно, что создавать мощные очаги непредсказуемой опасности, все равно, что из котла вытаскивать горящие поленья и поджигать ими все, что может гореть.

Всю Сегежскую, включая Надвоицкий куст, «епархию» обслуживал один-единственный батальон внутренних войск. Эту колонию с двумя тысячами заключенных обслуживала одна рота солдат.

Вопреки указаниям я принял решение свозить всех в свою зону. Свезли. Колония загудела, и ее можно было сравнить с котлом, в котором все бурлило. Двухтысячный контингент стал готовиться к предстоящим схваткам.

Определились в их среде лидеры, агитаторы, ораторы, подстрекатели и прочие.

Получаю указание из Москвы: утром снова вывести всех на работу по объектам. Указание это тоже было правильным, но теоретически. Как их можно вывести, когда они уже почти вышли из повиновения?! Допустим, кого-то вывезли бы на объекты, кто-то остался бы в зоне. Как можно одной ротой обеспечить их охрану в разных точках?!

Принимаю решение — держать всех в зоне, по периметру расставить автоматчиков и всеми силами держать обстановку до подкрепления.

Погода была нелетная. Помощь могла прийти только железной дорогой из Ленинграда, где дислоцировалась дивизия внутренних войск. Продержаться надо было до позднего вечера.

Происшествия, как и следовало ожидать, не заставили себя долго ждать. Около десяти часов утра заключенные стали поджигать некоторые строения, выбрасывать из казарм мебель, строить баррикаду в центре зоны.

Крики, возгласы, какие-то призывы.

В это время в здании штаба администрации колонии, размещенном в самой зоне, оперативные сотрудники ИТК и КГБ (шесть человек) работали со спецконтингентом. Это двухэтажное здание штаба подожгли в первую очередь. Видно было, как оно горит, а перед зданием улюлюкает толпа заключенных — около четырехсот человек.

Разговариваем по телефонной связи с осажденными. С двух сторон здание горит, внутри дым. Надо спасать своих офицеров. Незамедлительно открываем ворота, в зону входит техника — пожарные машины, солдаты внутренних войск. Работают брандспойты, солдаты бросают в заключенных взрывпакеты — «черемуху». Стремительность, боевой настрой. Баррикаду прорвали. Толпа заключенных дрогнула, расступилась. Офицеры покинули горящее здание.

Оцепенение заключенных было минутным. Увидев, что состав наших сил малочисленен, заключенные сами перешли в наступление: завладели пожарными машинами, приспособились перехватывать взрывпакеты и забрасывали ими наших солдат. Пришлось отступать. Но, отступая, солдаты захватили с собой нескольких ярых бунтовщиков.

Итак, мы хозяева по периметру, зэки — внутри зоны. Начались переговоры. Лидеры

беспорядков потребовали освободить задержанных нами их подельников и освободить арестованных, содержащихся в ШИЗО (внутренняя тюрьма). Там находились под усиленной охраной самые-самые «отпетые» — около восьмидесяти человек. Дважды к нам направлялись парламентарии от зэков, чтобы убедиться, что их сообщников не избивают. Мы чувствовали, что бунтовщики готовились к прорыву...

Находившийся в это время в командировке заместитель прокурора республики Юмашев в растерянности говорил мне, что надо что-то делать, надо применять оружие, иначе все две тысячи вырвутся из колонии и будет невообразимая резня.

А ведь все происходит недалеко от границы с Финляндией, рядом Октябрьская железная дорога, где идут поезда на Москву и Ленинград... Страшно было подумать, что могло произойти.

Из Петрозаводска к нам в Сегежу выехали на машине секретарь обкома КПСС Н. С. Тихонов, председатель КГБ В. В. Крыжановский, прокурор республики В. Н. Внуков. Но ехали медленно, к тому же в Медвежьегорске у них сломалась машина.

Был момент, когда я выбрался на несколько минут из колонии, заехал в райотдел милиции и сделал два телефонных звонка. Один — второму секретарю обкома партии В. В. Чупию (И. И. Сенькин отсутствовал). Сказал ему, что, возможно, придется применить оружие, на что получил ответ: «По этой части я вам не советчик. Что касается обстановки, то еще раз позвоним в ЦК КПСС, чтобы там соответствующим образом воздействовали на МВД страны». Позиция обкома мне была, конечно, понятна.

Звоню генералу Богатыреву, начальнику главного управления исправительно-трудовых учреждений МВД СССР, вчерашнему второму секретарю Волгоградского обкома КПСС и будущему заместителю министра внутренних дел страны. С ним я познакомился, когда он был в командировке в Карелии. Также сказал, что возможно применение оружия. В ответ по-доброму, по-хорошему, но с матом-перематом: «Ни в коем случае, ради Бога, не применяй оружие! Прошу тебя! Тяни переговоры, иди на любые уступки заключенных, но только не стреляй!»

Я понимал, что применение оружия — это, возможно, десятки трупов и непредсказуе-

Сеgezжская колония

мые последствия. Возвращаюсь в колонию. Обстановка – сверхнакаленная. Был момент, когда я забрался на крышу административного здания, чтобы осмотреть зону. Толпы бесчинствовали. Солдат с автоматом подходит ко мне и говорит: «Разрешите, товарищ полковник, я дам очередь поверх голов». Я его крепким словом от этого дела отвел.

Но вообще-то, должен сказать, что ребята восемнадцати-двадцати лет, солдаты внутренних войск, вели себя великолепно! Были спокойны, несколько не боялись и с презрением, свысока смотрели на орущих эзков. С такими ребятами можно и в огонь, и в воду!

Мы продолжали затягивать переговоры. Наша тактика была такая: ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не удовлетворять требования по части ШИЗО и тянуть переговоры по задержанным. Это нам удалось.

Вечером получили ультиматум: или мы отпускаем их сообщников, или они идут на прорыв. Отпускаем задержанных заключенных. Наступил некоторый передых.

День был сложный для всех. От усталости эзки поутихли. Администрация вошла в зону. Поздним вечером прибыли руководители республики. Немного позже подкрепление — из дивизии внутренних войск из Ленинграда во главе с генералом Копаневым. Наступило облегчение.

Всю ночь готовили операцию по пресечению беспорядков. Утром она началась. Войска – солдаты и офицеры – проинструктированы, готовы входить в зону к вышедшим из повиновения эзкам.

По налаженной радиосвязи я выступил с обращением ко всем заключенным колонии. Предложил выходить и строиться. Предупредил о возможном применении оружия. Зачитал обращение один раз, второй, третий. Стали выходить. Дальше – фильтрация, умиротворение, расследование уголовного дела...

Прибыла комиссия из Москвы. Руководитель — заместитель начальника ГУ МТУ МВД СССР генерал Кузнецов. Очень толковый генерал. Он был специалистом по массовым беспорядкам в колониях. На такие происшествия выезжал не в первый раз.

Разобрали, проанализировали обстановку. А дальше — разбор полетов: бюро обкома КПСС и Коллегия МВД СССР. Поехали в Петрозаводск.

Идет заседание бюро обкома. Выступаю с основным докладом о происшедшем. В своем выступлении генерал Кузнецов признает действия министра внутренних дел Карелии единственно правильными. Рассматриваются меры по укреплению колонии, усилению внутренних войск, по материальной базе и так далее.

Забегая вперед, могу сказать, что нам удалось вместо батальона внутренних войск получить полк, построить в Сеgezже следственный изолятор, перепрофилировать производство в других колониях, отменить особо опасный режим заключенных в Надвоицах, создать в МВД строительномонтажное управление, развернуть собственное жилищное строительство и многое другое.

На Коллегии МВД СССР мои действия также были признаны правильными, а командир дивизии внутренних войск генерал Копанев был наказан, ему был объявлен выговор за то, что именно войска спровоцировали беспорядки.

Моими действиями при пресечении массовых беспорядков были довольны все. А что было бы, если бы мне не удалось удержать ситуацию, если бы произошел прорыв или пришлось бы применить оружие и расстрелять какую-то часть заключенных?

Несомненно, это была бы большая неприятность для руководства Карелии, МВД СССР, для всех. Конечно, в первую очередь в жертву был бы принесен министр внутренних дел Карелии, на этом закончилась бы моя несостоявшаяся карьера в МВД, это стопроцентно. Возможно, кто-то еще был бы наказан. Но... пронесло.

Виктор Мяукин повернул республиканских руководителей всех рангов лицом к проблемам милиции. Закрытое ранее министерство стало широко практиковать проведение партийно-хозяйственных республиканских активов с демонстрацией арсенала сил и средств ОВД в своем здании и на опорных пунктах милиции. (На фото) с первым секретарём Карельского обкома КПСС Иваном Ильичём Сенькиным

ВРЕМЯ ПОИСКА И БОЛЬШИХ НАДЕЖД

«**П**рипоминается один эпизод. После комплексной инспекторской проверки МВД СССР деятельности МВД КАССР министра В. П. Мяукина и меня, как начальника штаба, вызвали на Коллегию МВД СССР. Обычно по результатам инспектирования руководитель отчитывается на Коллегии, а начальник штаба — на заседании штаба МВД СССР.

Общеизвестно, что вызов «на ковер» в Москву не сулил ничего хорошего. Обсуждение, как правило, заканчивалось разносной критикой с вытекающими последствиями.

Перед нашим вопросом Коллегия заслушала сообщение одного из начальников управления центрального аппарата МВД о поездке его группы в Казахстан. Сообщение получилось нечетким и путаным, докладчик, пытаясь вывести из-под критики

своих сотрудников, свалил вину на местных работников. Щелоков немедленно отреагировал на это. Прервав сообщение, он задал вопрос докладчику и, не получив внятного ответа, буквально согнал его с трибуны, учинив такую «головомойку», что у многих в зале возникла оторопь, такую разносную критику я тоже услышал впервые. Министр поручил внести предложение о наказании виновных в дисциплинарном порядке.

И вот в такой нервной обстановке началось рассмотрение нашего вопроса. В. П. Мяукин большую часть выступления посвятил работе министерства по выполнению указаний министра Н. А. Щелокова и предложений МВД СССР, подчеркнув, что эта работа проводится в тесной связи с партийными и советскими органами и

Регулярное проведение профилактических обработок городов и поселков с наиболее неблагоприятными показателями в детской безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних способствовало тому, что инспекция по делам несовершеннолетних МВД Карелии на протяжении ряда лет признавалась одной из лучших в стране. В республике удалось добиться стабильного снижения детской безнадзорности и преступности среди подростков. (На фото) Юные госавтоинспекторы. Рапорт генералу. Снимок был опубликован в газете «ПРАВДА». 1984 г.

привлечением заинтересованных министерств и ведомств, при взаимодействии с прокуратурой и обкомом комсомола.

Н. А. Щелоков, не перебивая, внимательно выслушал информацию и произнес сенсационную реплику, обращаясь к начальнику штаба Крылову: «Сергей Михайлович, запланируйте выступление Мякина в нашей академии».

Многие в зале были удивлены этой реплике, не помня, чтобы по итогам проверок вместо уничижительной критики проверяемых их поощряли путем распространения опыта работы. Выполняя поручение Щелокова, мы тщательно готовили материалы для выступления. Спустя два месяца после

заседания Коллегии В. П. Мякин выступил в зале Академии МВД СССР с докладом по проблемным вопросам комплексного использования сил и средств общества в борьбе с преступностью в республике.

Эти и другие мероприятия поднимали авторитет МВД Карелии и его органов среди руководящего состава МВД СССР, его главных управлений и штаба. Изменилось отношение к нам, наметились контакты и связи с аппаратом министерства, с нами стали считаться, к нашему мнению прислушивались».

**КАРАВАНОВ Юрий Викторович,
возглавлял штаб МВД КАССР
в 1969-1987 гг.**

В Петрозаводске и районах было создано около ста опорных пунктов, которые стали центрами профилактической работы с населением по месту жительства. В Петрозаводске организовали 14 таких пунктов. Их общественные советы возглавляли авторитетные работники головных предприятий города. (На фото) немецкая делегация из г. Нойбранденбурга во главе с начальником полиции генералом Герхардом Кюлем на общественном пункте охраны правопорядка

В Академии МВД СССР. В первом ряду — министр внутренних дел Армянской ССР Е. Г. Паталов, во втором ряду сидят (слева направо) В. П. Мяукин, А. П. Полежаев, М. Ф. Савелий

СТРЕЛЬБА НА ПОРАЖЕНИЕ

«**П**омню этот день так отчетливо, словно это случилось вчера. Тогда, в январе 1973 года, я находился на службе. Вместе с командиром отделения Александром Романовичем Готовцевым проверяли несение службы дежурными рядами дивизиона милиции Петрозаводского ГОВД. Неожиданно ночью нас срочно вызвали в дежурную часть горотдела, где мы получили крайне тревожную информацию: в селе Деревянном преступник убил из ружья несколько человек, кого-то ранил, после чего заперся в доме и отстреливается.

К этому времени на месте уже был министр внутренних дел республики, тогда еще полковник милиции В. П. Мяукин.

В те годы в милиции не было ни СОБРа, ни ОМОНа, и в Деревянное отправили нас, работников охраны. Вместе с В. П. Мяукиным там находились еще несколько офицеров, но почти все – без оружия. Это сейчас каждый экипаж вооружен пистолетами либо автоматами, в наличии есть БТР и пулеметы. А в ту пору вооружать милиционеров считалось дурным правилом. Вдруг кто-то потеряет служебное оружие.

Обстановка в Деревянном ужаснула. На дороге лежало несколько тел. Были убитые, раненые. Попытки вынести стонавшего от боли раненого пресекались преступником выстрелами из охотничьего ружья.

Министр дал мне с Готовцевым команду: обезвредить его и, если будет невозможно задержать живым, застрелить. Поглубже зарывшись в снег, огородами, с тыльной стороны мы подползли к дому. Готовцев вплотную подобрался к входным дверям, а я поднялся на чердак, чтобы попытаться проникнуть в дом через кладовку. Только мы заняли позиции, как раздался еще один выстрел, затем в поле моего зрения появился преступник, видимо, что-то услышавший. Он выстрелил в дверь, затем в потолок. Дверь в кладовку была закрыта снаружи, поэтому я дважды выстрелил на поражение, целясь по ногам преступника. На этом все и закончилось...

Стрелявший оказался несовершеннолетним местным жителем. Повздорив с кем-то на танцах, он «обиделся», напился и начал «войну». Его осудили на десять лет. После этого я несколько дней приходил в

себя: все-таки стрелять в людей непросто. Но внутренняя удовлетворенность от сделанного у меня осталась. Преступник задержан, зло наказано. Но этот случай, как уже говорил, не забуду никогда.

Тогда же впервые я встретился с нашим уважаемым министром Виктором Петровичем Мяукиным. Той памятной ночью, всем своим поведением, четкостью команд, каким-то необъяснимым обаянием он произвел на меня, молодого лейтенанта, сильное впечатление. Впоследствии нам приходилось встречаться по службе не раз, и не всегда эти встречи заканчивались для меня «шоколадно». Но уважение к В. П. Мяукину, как к сильному руководителю, у меня до настоящего времени остается неизменно глубоким, несмотря на печально известную историю о «бронированных мундирах». Кстати, тогда мне, как секретарю партийной организации Октябрьского РОВД, приходилось неоднократно докладывать ему о мерах, принимаемых по партийной линии к сотрудникам райотдела, втянутым в этот скандал. Отмечу, что, несмотря на давление из обкома, Октябрьского райкома КПСС, мы с заместителем секретаря парторганизации Дмитрием Михайловичем Михайловым, ставшим впоследствии министром внутренних дел РК, занимали твердую позицию, отстаивая своих коллег и на бюро райкома, и на парткомиссии обкома. За что, в конечном итоге, оба получили по партийному взысканию.

При этом могу сказать, что со стороны Мяукина мы не получали ни рекомендаций, ни указаний, как себя вести, что делать. Чувствовалась его уверенность, что как личный состав, так и партийная организация правильно оценят сложившуюся ситуацию и будут принимать верные решения. Возможно, именно поэтому, несмотря на жесткое решение обкома КПСС в отношении руководства МВД Карелии, авторитет Виктора Петровича среди сотрудников еще больше возрос».

КОРОБЕЙНИКОВ Валерий Петрович,
заслуженный работник
органов внутренних дел РФ,
заслуженный работник
правоохранительных органов
Республики Карелия

После вручения правительственных наград работникам МВД Карелии. Сидят слева направо — Секретарь Президиума Верховного Совета Карелии М. С. Миммиев, В. П. Мяукин, Председатель Президиума Верховного Совета Карелии П. С. Прокконен, заместитель министра внутренних дел Карелии А. В. Печников

Руководство МВД СССР во главе с министром Н. А. Щелоковым в зале Академии МВД СССР на выступлении министра внутренних дел Карельской АССР В. П. Мяукина

В 1977 году министр Щелоков посетил Финляндию. Состоялся его визит к президенту Финляндской Республики Урхо Кекконену. Между ними состоялся деловой обстоятельный разговор. По поручению Л. И. Брежнева, Щелоков обсуждал важные вопросы торгово-экономического сотрудничества. В том числе совместное стро-

ительство Костомукшского горно-обогатительного комбината. Строительство комбината и города при участии тысяч советских и финских строителей стало крупнейшим международным проектом, масштабность которого в отношении России и Финляндии не превзойдена до настоящего времени.

Встреча в Костомукше. (Слева направо) сидят: И. И. Сенькин, посол СССР в Финляндии В. С. Степанов, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Стоят: председатель КГБ Карелии В. В. Крыжановский, Председатель Совета Министров Карелии А. А. Кочетов, В. П. Мяукин

ГОРРАЙОТДЕЛ — ГЛАВНОЕ ЗВЕНО В СИСТЕМЕ МВД

Я всегда руководствовался идеей о том, что начальник милиции — это министр внутренних дел на своей территории и даже более важная фигура, потому что он раньше прибывает на место происшествия, раньше других оценивает обстановку. Неслучайно, что все министры Карелии после меня — В. Кононов, И. Прохоров, В. Сидоров, И. Юнаш — прошли школу городской или районной милиции.

Возглавляя карельскую милицию на протяжении почти 15 лет, отчетливо помню, что всегда делал ставку на основное звено нашей системы — горрайорганы. Начальник органа внутренних дел — основная фигура в управленческой деятельности.

Для меня это были не только слова. Я был глубоко убежден, что роль начальника горрайоргана действительно велика, и если укрепить это основное звено не на словах, а на деле, можно многого добиться.

На протяжении нескольких лет на территории республики осуществлялось строительство Костомукшского горно-обогатительного комбината. Несколько тысяч финских и карельских строителей на одной площадке жили и трудились бок о бок. Пожалуй, это было единственное место такого совместного проживания с населением капиталистического государства в Советском Союзе. И за несколько лет с нашей, советской, стороны не было серьезных преступлений. Чего нельзя сказать о финской стороне. Един-

**(Слева направо) начальник ГУВД
Ленгороблисполкомов
В. И. Кокушкин, В. П. Мяукин,
заместитель министра внутренних
дел Карельской АССР В. И. Ширков**

ственное за многие годы убийство было совершено финнами.

Во время пьяной ссоры двое подвыпивших финских рабочих, посчитавших себя оскорбленными, вывезли карельского парня в лесной массив, облили бензином и подожгли. На место происшествия выехала оперативно-следственная бригада во главе с начальником милиции Б. Кузнецовым. Несмотря на сложность дела, убийство было раскрыто. Надо отдать должное финской полиции, которая объективно оценивала собранные по делу доказательства.

Вспоминается и другой случай, когда 20 марта 1980 года в результате дорожно-транспортного происшествия погибли несколько финских граждан. Водитель финского автобуса на трассе на полной скорости врезался в стоявший на правой стороне дороги КраЗ. Погибли несколько человек, было много раненых. Финская печать стала широко освещать это действительно немаловажное событие. Кто-то выступил с обвинениями в адрес советской стороны, возлагая всю ответственность за происшествие на нее. Акцент делался на то, что перед КраЗом, накануне оставленным на дороге водителем из-за поломки машины, не было аварийного знака. Вместе с В. Федоровым, ставшим позднее начальником ГИБДД МВД России, я вылетел на место происшествия.

Ровно через сутки, около 8 часов утра, вместе со службами безопасности Финлян-

дии мы проводили следственный эксперимент. Сели в такой же финский автобус и двинулись от границы по трассе в Костомукшу, то есть по тому же самому маршруту. На пути на том же самом месте стоял тот же КраЗ. Прямая линия трассы. Отличная видимость. Ярко светило солнце. Водитель автобуса никак не мог не заметить огромный, груженный песком КраЗ. Эксперимент снимался на фото- и кинокамеры с финской и советской сторон. Было ясно, что аварийный знак был совершенно ни при чем. Тем не менее по возвращении в Петрозаводск по ВЧ раздался звонок заместителя министра иностранных дел СССР И. Н. Земскова. С ним мы познакомились незадолго до этого, во время визита в Костомукшу Председа-

теля Совета Министров СССР А. Косыгина и президента Финляндии У. Кекконена.

Земсков говорил, что между СССР и Финляндией сложились хорошие отношения, и дабы не осложнять их, мы должны вину и ответственность взять на себя. Он сказал, что такой же разговор у него состоялся и с руководителями республики. Я ответил: если у дипломатов принято черное называть белым и наоборот, то у юристов в правовых ситуациях существуют другие критерии, и поэтому ответственность должна возлагаться на виновную сторону. О нашей позиции я доложил министру внутренних дел Н. Щелокову.

После проведения следственного эксперимента в финской печати не появилось ни одного обвинения в наш адрес.

Серьезное внимание В. П. Мяукин уделял работе с кадрами и все делал для укрепления руководящего звена районных органов внутренних дел и повышения авторитета начальников. Огромное значение он придавал подбору и грамотной расстановке кадров. За время своей деятельности Виктор Петрович сумел объединить вокруг себя достойную команду единомышленников. (На фото, справа налево) Председатель Президиума Верховного Совета КАССР И. П. Манькин, заместитель Министра внутренних дел СССР Б. Т. Шумилин, первый секретарь Карельского обкома КПСС И. И. Сенькин, В. П. Мяукин. 1979 г.

МЯУКИН НЕ БОЯЛСЯ БРАТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НА СЕБЯ

«Эта история произошла в 1978 году в самолете Ту-134, который следовал из Ленинграда в Мурманск. К бортпроводнице подошел молодой человек, продемонстрировал ей некий сверток, заявив, что это взрывное устройство. Террорист пригрозил взорвать самолет, если не будут выполнены его требования. Потребовал же он доставить его в Финляндию.

Экипаж самолета, как и предписано по инструкции, связался с диспетчерской службой ближайшего аэродрома, а ближайшим оказался «Бесовец» под Петрозаводском. Оттуда о ЧП сообщили в МВД Карелии. В штаб антитеррористической операции, созданный сразу после получения сигнала, вошли руководители МВД, КГБ и армейских подразделений, дислоцировавшихся на территории Карелии.

Все вывески на русском языке в районе аэропорта оперативно убрали, остались только вывески на финском, чтобы террорист не узнал раньше времени о крушении его планов. Когда самолет совершил посадку, начались переговоры, в результате которых договорились об освобождении пассажиров.

Когда мы подъехали к аэропорту, он был окружен вооруженными солдатами. Штаб возглавляли три генерала. Положение оставалось сложным. Террорист оставил в заложниках экипаж самолета, требовал дозаявки, денег и настаивал на том, чтобы самолет направили в Финляндию. Речь шла о том, чтобы взять самолет штурмом. Но нельзя было исключить риск гибели людей, ведь нам не было известно, имеет ли молодой человек какое-либо оружие, кроме продемонстрированного им свертка. Командир воинских подразделений готов был отдать приказ о штурме. Руководитель КГБ консультировался с Москвой.

Виктор Петрович Мяукин не спешил принять решение, что-то обдумывал. И

нашел решение! Он знал о моем давнем знакомстве с командиром Петрозаводского авиаотряда Николаем Скачковым.

— Поговори с ним, — предложил Виктор Петрович. — Посоветуйтесь со специалистами, можно ли каким-то образом использовать «черемуху».

Сейчас многим знакомо название этого специального средства, применяемого при антитеррористических операциях. Использование слезоточивого газа «черемуха» не приводит к летальному исходу.

Совет Виктора Петровича оказался очень кстати. Специалисты-авиаторы подсказали, каким образом можно доставить газ в салон самолета. Виктор Петрович согласовал предложение с другими руководителями операции и дал добро на ее проведение.

Мы подошли со стороны хвоста и со стороны кабины, чтобы преступник не мог нас увидеть. Он находился в салоне самолета и вел переговоры с экипажем через стюардессу. Через несколько минут после того, как газ начал распространяться по салону, террорист открыл дверь...

Позже он признался: «Когда я почувствовал, что в салон проникает газ, то колебался, открыть дверь или взорвать самолет. Подумал: может, не расстреляют, поживу еще. И открыл».

«В 1976-77 гг. МВД Карельской АССР совместно с Академией МВД СССР разработали первую в стране специализированную автоматизированную информационную систему «Карелия-77». Об эффективности работы системы говорит тот факт, что в течение многих последующих лет на ее базе в Академии МВД СССР учили слушателей первого факультета. Система совмещала сведения об административных правонарушениях, совершённых в городе, с данными о лицах, состоящих на профилактическом учёте. Распечатки передавали на ОПОП участковым инспекторам для принятия мер воздействия к правонарушителям. Опыт МВД Карелии решением Коллегии МВД СССР распространялся во всех органах внутренних дел страны. Начальник Академии МВД СССР С. М. Крылов не раз ставил в пример опыт МВД Карелии по комплексному использованию сил и средств, автоматизированные системы учета правонарушений и т.д.»
(Из статьи научного сотрудника Академии МВД М.Ф. Савелия)

Он действительно мог взорвать самолет. Взрывное устройство хоть и было изготовлено в домашних условиях, но обладало огромной силой.

Позднее наши эксперты изготовили аналогичное устройство, испытали его. По силе взрыва оно соответствовало мощной бомбе. Кстати, и догадка террориста оправдалась.

Ему дали срок 12 лет.

Но главное, что остались живы все участники операции, экипаж самолета. Благодаря решению Мяукина была предотвращена трагедия, спасены десятки человеческих жизней, самолет, престиж страны.

К сожалению, наш опыт позже редко применяли. Спустя всего неделю после описанных событий такой же печально известный случай произошел в Выборге, когда семья Овечкиных захватила самолет. Тогда погибли люди. О той трагедии много писали и пишут, поставлен даже художественный фильм. Почему-то трагедии случившиеся вызывают больший интерес, чем трагедии предотвращенные...»

ШИРКОВ Владимир Иванович,
заместитель министра
внутренних дел Карельской АССР,
полковник милиции

ВЛАДИМИР ФЁДОРОВ: «ОН СДЕЛАЛ ИЗ МЕНЯ МИЛИЦИОНЕРА»

«Я вступил в ряды Советской милиции в 1970-м году, и принимал меня на работу полковник В. П. Мяукин, который тогда руководил кадрами МВД Карельской АССР. Это была первая наша встреча. Он сразу произвел впечатление человека, взгляд которого значительно шире и дальше, чем у многих из его коллег.

В начале 1970-х годов милиция была на подъеме. К этому большие усилия прилагал министр Щелоков. Он делал все для того, чтобы в милиции служили образованные, умные, культурные люди. Виктор Петрович, пришедший в органы из комсомола, олицетворял собой это светлое, энергичное начало.

После того, как Мяукин стал министром, мы некоторое время практически не соприкасались — далеки были должности. Но затем меня, молодого старшего лейтенанта, назначили заместителем начальника ГАИ Карелии. Решение об этом принимал сам Мяукин. И хотя на новом посту мне не доводилось выполнять прямых его поручений, чувствовалось, что министр следит за моей работой. Это нашло подтверждение парой лет спустя. Меня потянуло в науку — хотел защитить кандидатскую. Закончил курсы подготовки, успел сдать несколько экзаменов: философию, иностранный язык. Тут меня вызвал заместитель Мяукина по кадрам: «Молодой человек, вы вообще в МВД пришли учиться или работать?» — строго спросил он. На этом мое обучение тогда кончилось.

Стоит отметить, что как начальник он был, скорее, диктатор. И когда Виктор Петрович уезжал в командировку, не будет преувеличением сказать, что подчиненные вздыхали свободнее — он держал их в напряжении. Однако это не значит, что его недолюбливали. Это был жесткий руководитель, но отнюдь не самодур-деспот. Мы относились к нему с большим уважением. И до сих пор те, кто работал под его началом, добрым словом вспоминают о нем. Он

**Художник В. С. Чекмасов за работой
над картиной «Будни ГАИ».
Ему позировует В. А. Фёдоров (в будущем
начальник Госавтоинспекции РФ)**

оставил о себе самый лучший след в истории МВД Карелии.

Виктор Петрович — человек любящий и ценящий искусство. В этом он совпал с той линией, которую проводило и руководство МВД СССР. Он с удовольствием налаживал связи милиции с художниками, поэтами, писателями и дружил со многими из них. Постоянно приезжал к нам Роберт Рождественский, который начал здесь свой творческий путь. Частым гостем был Евгений Евтушенко, который много стихотворений посвятил Карелии. Первая и, по-моему, единственная пьеса о ГАИ, «Закон дороги», была поставлена в нашем, петрозаводском театре и прошла с успехом. Мяукин, как и Щелоков, придавал большое значение привлечению людей искусства на сторону милиции и прилагал к этому большие усилия. Его и сегодня уважают в творческих кругах.

Несмотря на то, что Виктор Петрович юрист, а не технарь, сказать, что он много сделал для компьютеризации органов

внутренних дел — это не сказать ничего. Во внедрении электронных технологий Карелию опередил только Екатеринбург, но с таким крупным регионом нам было едва ли возможно тягаться по финансовым и другим возможностям. Мяукин сразу уловил, что это перспективное направление. При нем с автоматизацией информационных процессов в ГАИ мы шагнули очень широко. Большинство регионов опередили лет на пятнадцать. У Виктора Петровича были отличные отношения со светилами в области информационных технологий: профессорами Алексеем Петровичем Полежаевым и Михаилом Федоровичем Савелием из Академии МВД.

Надо сказать, что в ГАИ мы полагались больше именно на МВД Карелии. Руководство Госавтоинспекции СССР до нас особо не дотягивалось, хотя начальник этой службы Валерий Витальевич Лукьянов уважал Карелию за те новшества, что здесь появлялись. В Карелии ГАИ возглавлял Анатолий Илларионович Мордасов, который меня вырастил как сотрудника МВД. Он был из ростовских казаков, закрепился на севере и 25 лет руководил этой службой. Мяукин его всесторонне поддерживал.

К 1980 году я успел проработать заместителем начальника ГАИ Карелии уже семь лет. Вызывает меня Виктор Петрович и довольно жестко заявляет: «Сколько ты уже сидишь в отдельном кабинете! Заелся, у народа примелькался! Пора тебе менять службу». И объявляет: «Назначаю тебя замначальника Штаба МВД!» Он же замначальника Дежурной части, он же начальник оперативного отделения. Хоть на колени падай — прекрасно понимаю, что это за работа. «Да я ведь даже не юрист, технарь!» — попытался протестовать я. «Ничего, научись», — безапелляционно ответил Мяукин, тут же при мне подписал приказ и вызвал начальника Штаба. «Вот тебе заместитель», — указал он на меня. С новым моим начальником пошли мы к нему в кабинет. Он запер дверь и недоуменно посмотрел на меня: «Ну и что мне с тобой делать?» Мне на это оставалось только развести руками. Так началась моя милицейская карьера.

А привел к этому назначению, скорее всего, вновь вопрос учебы. Дело в том, что годом ранее, когда приехали кадровики из

МВД, я отказался от зачисления в Академию МВД. И Мяукин, насколько я понимаю, принял меру с моим назначением, чтобы все-таки сделать из меня милиционера, юриста, чтобы я сам через год написал рапорт: отпустите меня в Академию учиться этой науке.

На новой должности я дневал и ночевал при министре. Каждое утро мое начиналось с того, что я нес ему доклад о том, что случилось в Республике за день. В те времена делалась не одна сводка. Обычная, обо всем, что случилось, была для внутреннего пользования. Потом надо было формировать отдельные сводки для обкома партии, для Совета Министров, для КГБ.

Как-то раз в одном общежитии украли из ленинской комнаты телевизор. К тому времени такая техника давно не редкость, так что случай, по большому счету, — мелочь. Он, конечно, входит в общую сводку, но для обкома — нет. Мяукин страшно напустился на меня за это: «Ты что, не понимаешь? Телевизор украли из ленинской комнаты! Это политическое дело! Включай в сводку». Это сейчас легко текст перепечатать. А тогда, на пишущей машинке, все приходилось начинать сначала. Но делать нечего — перепечатали. Проходит неделя. И вновь кража телевизора. Вновь из ленинской комнаты. Только общежитие другое. Я добросовестно этот случай включаю в сводку для обкома. И Виктор Петрович неожиданно устраивает мне новый разнос: «Какой еще телевизор? Ты чего такую мелочевку им в сводку включаешь?» — «Товарищ министр, да вы же неделю назад сказали мне включить!» Фраза была такая: «Кто из нас воздух в обкоме партии нюхает: ты или я? Сказал в эту сводку не надо — значит, не надо».

Это случай, скорее, курьезный, но, конечно, хватало за те годы и происшествий серьезных. Было несколько ситуаций чрезвычайных. И в каждой из них Виктор Петрович Мяукин показывал, что он — человек, способный действовать решительно, не теряющий контроля в самых сложных обстоятельствах, удерживающий нити командования и умеющий четко доложить о произошедшем в МВД СССР.

Как-то в Сортавалле сбежали с оружием несколько преступников. Любая оплошность могла стать причиной крови. Мяукин руководил операцией из Петрозавод-

ска. Он быстро организовал масштабное преследование, привлек все службы и даже подключил пограничников. Преступников выдавили в лес, подальше от города. Но даже тогда Мяукин не пошел напролом — берем поскорее! Нет, сбежавших окружили, пограничники подошли с БТРами, и преступники сами поняли: деваться некуда. Они сдались и никто не пострадал.

Как, вероятно, и планировал изначально Виктор Петрович, я впоследствии уехал в Академию. Незадолго до того, как я ее окончил, со своего поста ушел Н. А. Щелоков. Новый министр внутренних дел СССР большое внимание стал уделять службе БХСС. Вызывает меня Мяукин: «Есть предложение назначить тебя начальником БХСС». Второй раз я перед ним готов был броситься на колени: «Товарищ министр, да я ведь живого агента в глаза не видел! Всю жизнь в гласных службах: ГАИ, Штаб, Дежурная часть — это я умею». — «Ну, ты же в Академии учишься хорошо». — «Хорошо. Но, боюсь, я и вас, и себя, не имея практического опыта, подведу». Мы побеседовали и настаивать он не стал. Я поехал учиться дальше. Хотя иной мог и через колени назначить — никуда бы я не делся. Но Мяукин выслушал и принял мою позицию.

По окончании Академии я стал ждать, куда же меня определит начальство. Определило в охрану общественного порядка. Служба, которая включает в себя все, что на улицах, от подвалов до чердаков: приемники-распределители, охрана сов- и парт-органов, инспектора по охране леса, милицейские ИВС, ППС, участковые уполномоченные... Приехал я в Москву на утверждение. Проходит неделя — не утверждают! Начальник ГУООП уехал, решение принимает его зам. И, хоть Академию я закончил с отличием, возражает: «Что ты понимаешь в охране общественного порядка? Ты же гаишник, вот и иди в ГАИ!»

Пошел я в телефонную станцию, позвонил в приемную министра. Мяукин ответил: «Не психуй, езжай домой. Сиди там, не высовывайся, никому и ничего не рассказывай. Ты в отпуске. Я тебя еще вызову». Неделю через две меня приглашают: приказ МВД СССР о моем назначении подписан. Вернулся начальник главка Н. Е. Цыганник, и Мяукин убедил его, что на этой должности ему нужен именно я.

Теперь я был в обойме руководителей МВД Карельской АССР. С Мяукиным нас не связывала дружба — я в принципе считал неправильным сближаться с начальством, но это были по-товарищески хорошие рабочие отношения. Как-то раз он позвонил мне: «Еду в Сегежу, давай со мной». Расстояние — 300 с лишним километров. Кроме водителя, только мы вдвоем. И всю дорогу он расспрашивал меня о службе по охране общественного порядка. До мельчайших рабочих моментов: кто, что, как, почему. Я удивился такому интересу и только потом догадался: готовится к переводу в Москву на это направление. Однако карельский обком не дал этому осуществиться — были люди, которые относились к нему враждебно. Тем не менее, будучи человеком умным, видным, он все же не мог не уехать потом в столицу. Хотя и на несколько другую должность — в Восьмой главк.

Мы расстались ненадолго. Вскоре я тоже получил назначение в Москву — в ГАИ СССР. Теперь, когда нас не связывала иерархия «начальник — подчиненный», начались другие отношения. Мы поддерживали друг друга.

Например, мне довелось помогать ему в работе Карельского землячества: у нас в здании ГИБДД иногда проходили его сборы и приемы. Я рад был помочь Виктору Петровичу, ведь, в конечном итоге, именно он сделал из меня милиционера в полном смысле. И я знаю, что если бы не было у меня милицейского багажа, а только «гаишный», меня бы не выдвинули на должность начальника ГАИ Российской Федерации. Нужен был человек, имеющий отношение к милиции, знающий ее, способный наладить взаимодействие с другими службами. И если бы Виктор Петрович Мяукин не «слонал» меня тогда с назначением на милицейскую должность и направлением в Академию, то судьба моя сложилась бы совершенно иначе».

ФЁДОРОВ Владимир Александрович,
член Совета Федерации Российской Федерации от Законодательного собрания Республики Карелия, генерал-лейтенант милиции, руководитель службы Госавтоинспекции России в 1990-2003 гг.

Эрудиция, широкая культура, личное обаяние министра В. П. Мяукина не могли оставить равнодушными литераторов, художников, журналистов, артистов Карелии. Со всеми он находил общий язык и привлекал к общению со своими подчиненными, к их культурному воспитанию, к созданию положительного имиджа милиции.

Газетчики и тележурналисты, поэты и прозаики, художники стали постоянными гостями в МВД и его подразделениях. В газетах и на телевидении постоянно выходили публикации и передачи о работе милиции. Печатались книги, сочинялись стихи, создавались пьесы и ставились спектакли (пьеса Станислава Панкратова «Закон дороги» была поставлена в 1976 году в Петрозаводске в Русском драматическом театре: консультантом выступал будущий глава ГАИ-ГИБДД МВД России В. А. Федоров, ныне сенатор).

Активнейшие связи МВД Карелии установило и с художниками республики. «Ниточка» здесь тянулась из Москвы, и опять от министра Н. А. Щелокова, который был не просто неравнодушен к изобразитель-

ному искусству, но и сам писал картины. В 1971 году было подписано соглашение о взаимодействии МВД СССР и Союза художников страны, которое предусматривало проведение выставок, конкурсов, в частности, конкурса «Всегда начеку». К этой работе В. П. Мяукин привлек карельских художников. В здании МВД свои картины на персональных выставках показывали Тамара Юфа, Алексей Авдышев, Борис Поморцев, Валентин Чекмасов. Предложение министерства написать портреты работников МВД и создать тематические картины тоже нашло отклик. Валентин Чекмасов написал групповой портрет «Будни ГАИ» и картину «Трудное дело», посвященную работникам угрозыска. (Позировал для этой работы сотрудник КГБ Владимир Быковский, прошедший Афганистан и трагически погибший в Петрозаводске). Борис Поморцев тоже создал ряд работ о работниках милиции. Одна из них посвящена сотрудникам, охранявшим музей-заповедник Киж.

(На фото) открытие выставки художника Бориса Поморцева в МВД Карелии

ПРАВДА О «БРОНИРОВАННЫХ МУНДИРАХ»

Есть одна тема, о которой мне часто напоминают в Карелии. Кто-то проявляет к ней здоровый интерес, пытаюсь понять, что же произошло в 1986 году. Кто-то, не разбираясь, пытается упрекнуть карельскую милицию во всех тяжких грехах...

Мне эту тему вспоминать неприятно, но рассказать об этом, справедливости ради, надо. Итак, как это было...

В «бронированных мундирах» есть две составляющие, на мой взгляд: во-первых, это уголовное дело, которое легло в основу «БМ», а во-вторых, то, что стояло за ним.

Уголовное дело по обвинению двух сотрудников уголовного розыска Октябрьского РОВД Петрозаводска в избиении задержан-

ного по подозрению в краже автозапчастей было возбуждено осенью 1985 года по инициативе прокурора республики В. Богданова. Он только приступил к работе в этой должности, приехав из Архангельска. Как полагается, я отнесся к этому как к обычной прокурорско-следственной практике. Правда, обращало на себя внимание то, что оба сотрудника УР сразу же были арестованы. В Карелии за многие годы до этого ни один сотрудник УР не привлекался к ответственности за нарушение законности. Если кто-то и позволял себе выйти за рамки закона, то мы сами или по предложению прокуратуры принимали необходимые меры воздействия: наказывали, понижали в званиях, должно-

стях или увольняли из системы по профнепригодности.

По этому делу я, как министр, занял обычную для себя четкую позицию: если работники милиции виновны, они должны быть строго наказаны. Хотя при этом всегда помнил, тем более с учетом ареста сотрудников, о таком институте права, как презумпция невиновности. Помнил неспроста. Насколько мне было известно от руководителей Октябрьского РОВД (Л. Стрельченко, В. Рыцын) и уголовного розыска МВД (В. Ширков и В. Стеблецов), с доказательствами вины было туго. Несколько месяцев, неоднократно продлевая сроки следствия, прокуратура не могла направить дело в суд. Прекратить уголовное дело за недоказанностью не решались: тогда надо было признать свою вину в необоснованном возбуждении уголовного дела и в необоснованном аресте сотрудников милиции. Многомесячное затягивание расследования в общем-то несложного по своей фабуле дела получило особый резонанс среди сотрудников Октябрьского РОВД. Они стали выражать свое отношение к этому делу как к волокитному, предвзятому, несправедливому. В свою очередь, работники прокуратуры стали обвинять руководство Октябрьского РОВД, а потом и в целом МВД в том, что они не только «не помогают доказать вину своих сотрудников, но и проявляют определенное недовольство». Конфликт разрастался. Обвиняемые по делу стояли на своем, не признавая своей вины, следствие искало доказательства и не могло найти их, руководители РОВД усматривали в этом деле пакостную позицию прокуратуры.

Обвиняемые, кстати, положительно до этого характеризовавшиеся, только что окончившие высшие учебные заведения, продолжали состоять в штате органов внутренних дел.

Моя позиция, как министра, продолжала оставаться прежней и ясной: они будут уволены только в том случае, если их вина будет доказана. А между тем страсти накалялись. По инициативе прокуратуры из МВД страны дважды приезжали представители инспекции, чтобы проверить правильность моего решения. И дважды докладывали в МВД и генеральную прокуратуру о том, что позиция МВД Карелии по этому вопросу правильная.

Следует отметить, что обстановка в Карелии к этому времени была непростой. В 1984

году к власти в республике пришел В. Степанов, заместитель председателя Совета Министров Карелии.

Относился я к Степанову с должным уважением — как к человеку с большим опытом, широкой эрудицией. Наши взгляды на политику, необходимость перемен к лучшему в обществе также совпадали. Как потом окажется, многие его рассуждения были не чем иным, как фармазонством. Не мог я не заметить и другого: в силу своей исключительной амбициозности Степанов не терпел никакой критики в свой адрес.

Несколько раз на Совмине я публично не соглашался с его предложениями по вопросам правопорядка. Они казались мне надуманными, оторванными от жизни.

Я признавал замечания Степанова в отношении моих подопечных, но не считал нужным делать резкие движения.

Номенклатурные работники и в центре, и на местах, на мой взгляд, грешили оторванностью от жизни, что называется, витали в облаках. Нередко желаемое выдавали за действительное. Это старые болезни КПСС. Степанов относился, в отличие, допустим, от А. Кочетова, И. Сенькина, к их числу.

Когда я высказывал свое несогласие с ним по тем или иным вопросам, он багровел, в заключение просил слова и обвинял министра в неправильном поведении, несоблюдении субординации. Как будто министр не имел права на свое мнение!

Я относился к этому спокойно. Для меня главными были всегда интересы вверенного мне коллектива.

Как только Степанов становится первым секретарем обкома, проявления фанаберии у него расцветают в полном объеме. Была такая, к сожалению, отличительная черта у многих секретарей обкомов. КПСС, в силу своего монопольного положения и благодаря таким секретарям обкомов, уверенно шла к своей гибели. Степанова явно не устраивали ни министр, ни моя команда, ни завоеванный авторитет МВД.

Начались мелочные придирки к МВД, Степанова не устраивала прежде всего работа моих замов. Он неоднократно предлагал мне «разобраться» с ними, говорил, что они ведут себя самоуверенно, многое берут на себя и вызывают нарекания со стороны партийного актива. Конечно, доля истины в этом была. Мои подопечные после успешной

работы на протяжении многих лет, особенно после выхода книги И. Бацера «Позывные в ночи», позволяли себе быть несколько самоуверенными в отношениях со всеми структурами власти. Ну а что же в этом плохого? Курсы дипломатического искусства они не проходили.

Достоинство вели себя и начальники ГОРОВД на местах.

Конечно, мы ориентировали и воспитывали их так, чтобы они находили свое место в структуре исполнительной власти, системе правоохранительных органов. Иначе было нельзя. В условиях любого режима власти, если начальник милиции или полиции занимает какую-то не согласованную с властью линию, сама жизнь убирает его с поста. Все руководители ГОРОВД, имевшие высшее юридическое образование, прекрасно это понимали.

Но ведь служить можно по-разному. Можно приспособливаться к власти, не имея права голоса, а можно строить достойные отношения по принципу: «Служить бы рад, прислуживаться тошно».

Руководители местных органов власти, секретари горкомов, райкомов, председатели исполкомов всегда знали, что за начальником милиции стоит МВД, которое может постоять за своего представителя в районе. Знали, что с большой трибуны министр может высказать критические замечания в адрес руководящих работников и получить поддержку со стороны правительства республики. Знали и считались с этим, хотя кому-то это и не нравилось.

Если все-таки возникали какие-то проблемы, мы принимали необходимые меры. Меняли начальнику обстановку, иногда освобождали, иногда выдвигали. Варианты всегда были.

Некоторые попытки разрядить обстановку я делал путем выдвижения своих замов на вышестоящие должности в Москву или в другие регионы.

К этому времени – к 1985 году – мы пережили не лучший период, когда министром внутренних дел страны был В. Федорчук. В то время наша система несла очень большие потери в руководящих кадрах.

Карелия, несмотря на особо пристальное внимание к ней Федорчука, несмотря на многочисленные «десанты» проверяющих, на неоднократные заслушивания карельско-

го министра, сохранила все свои кадры – до единого человека.

Потом, спустя много лет, у меня состоялась встреча с начальником Академии МВД СССР А. Коваленко, в прошлом он был одним из руководителей Штаба МВД СССР. Встреча проходила в непринужденной обстановке, и он мне очень подробно рассказывал, как по указанию Федорчука возглавлял большую бригаду по проверке МВД Карелии. Установка была самая жесткая. И тем не менее бригада задачу «не выполнила». Обладая феноменальной памятью, Коваленко называл мне много фамилий наших сотрудников, много примеров, фактов из их работы. Он был поражен слаженностью, четкостью работы всех звеньев органов внутренних дел Карелии.

Пережив непростые времена Федорчука, наша команда продолжала функционировать в прежнем составе.

Однажды Степанова, сидевшего за рулем машины с обычными номерами, остановили на трассе сотрудники ГАИ и сделали замечание о превышении скорости. Что тут было! Степанов негодовал: «На каком основании меня, первого секретаря обкома КПСС, останавливает ГАИ?» Он потребовал немедленно разобраться с начальником ГАИ А. Мордасовым.

Это был своеобразный человек. Но аварийность в республике в 1985-1986 годах была одной из самых низких в стране. И этот фактор был для меня важнее, чем инцидент со Степановым, которому были сделаны правильные замечания. Как мог, я объяснил действия сотрудника ГАИ, однако должным образом Степанов мои доводы не воспринял.

Вспоминаются и другие случаи комчванства партийных руководителей.

Однажды машину, в которой ехал первый секретарь Суоярвского райкома КПСС (кажется, это был Осташков), остановил суоярвский инспектор ДПС и сделал замечание его водителю о каком-то нарушении. И тогда вмешался сидевший рядом первый секретарь райкома:

— Какое ты имеешь право останавливать машину первого секретаря райкома? Кто ты такой? Ты член партии?

— Да, — ответил сержант ДПС.

— Так вот, мы тебя можем исключить из партии.

***В. П. Мясунин – министр внутренних дел
Карельской АССР. 1980-е годы***

Мне стало известно об этом. Я позвонил начальнику РОВД и тот подтвердил информацию.

Тогда я попросил передать сержанту мое мнение, что он, как коммунист, имеет право в соответствии с Уставом КПСС обжаловать любое решение райкома в вышестоящих инстанциях вплоть до ЦК КПСС. Чтобы там знали, какие чиновники от партии работают на местах.

Конечно, об этом стало известно руководству республики, и, как следствие, на бюро обкома стали приниматься решения «о неудовлетворительной работе МВД республики и его органов на местах».

Мы уже не получали поддержки партийных и советских органов, перестали использовать накопленный опыт проведения комплексных профилактических операций, остывало внимание к советам профилактики на опорных пунктах и на предприятиях. МВД работало в рамках своих строго очерченных функциональных обязанностей, в режиме выживания, при сложных отношениях с властью по вертикали и по горизонтали.

И вот тогда, в апреле 1986 года, была опубликована моя статья в газете «Советская Россия», в которой был дан критический анализ обстановки в республике в области правопорядка.

Моим помощником в написании этой статьи и по существу соавтором был сотрудник уголовного розыска министерства Иван Чухин. Впоследствии И. Чухин будет неоднократно избран депутатом Верховного Совета и Государственной Думы России.

В статье анализировались три составляющие: роль правоохранительных органов, роль государственных учреждений и роль общественных организаций. В числе последних

упоминались и партийные организации, где обстановка была неблагоприятной. Реакция Степанова на эту публикацию была исключительно болезненной. Она подействовала на него как красная тряпка на быка. Видимо, количественная критическая масса в отношении МВД переходила в какое-то новое агрессивное качество. Взбешенный, Степанов пригласил меня к себе, где уже сидел прокурор республики Богданов. На столе лежала газета «Советская Россия» с моей статьей, испещренной пометками. И сразу с порога на меня посыпались вопросы Степанова: «Какое ты имеешь право критиковать партию? Кто ты такой? Да как ты смел?» Словом, давал понять, кто в доме хозяин... В ответ на это явное самодурство я молчал. Ясно, что говорить нам было нечего и не о чем. Все было понятно без слов. Наконец, выплеснув свое негодование, Степанов тут же в моем присутствии стал давать указания Богданову: «У вас есть уголовное дело по сотрудникам уголовного розыска. Докажите МВД, что у них тоже не все в порядке». Богданову это указание было как нельзя кстати.

Иначе на мою статью отреагировал вновь назначенный министр внутренних дел страны А. Власов. Он позвонил мне и сказал, что статья в «Советской России» своевременная, смелая, отвечает духу времени. Таким образом, оценки статьи Степановым и Власовым были прямо противоположными. Как говорил один из философов, «то, что считается неразумным по одну сторону Пиренеев, признается разумным по другую сторону».

Вскоре после того, как я доложил министру об осложнениях с обкомом, мне поступило предложение сменить обстановку и работать в МВД страны. Дело, таким образом, шло к разумной развязке в отношениях между обкомом и МВД.

Однако к этому времени, образно говоря, неожиданно «вылезло» еще одно ведомство — КГБ республики.

Сотрудники КГБ в это время были заняты рассмотрением двух анонимных писем, написанных в посольства США и ФРГ, с просьбой разобраться в ситуации по тому самому уголовному делу. Письма заканчивались словами: «Группа работников милиции».

Объектом работы КГБ были, конечно, органы внутренних дел Карелии. Таким образом, обычное уголовное дело стало наполняться мрачным политическим содержанием. Как потом мне скажет министр внутренних дел страны Власов, из Карелии в три потока шла информация в ЦК КПСС, генеральную прокуратуру и КГБ СССР о якобы противодействии со стороны сотрудников органов внутренних дел.

Кто написал анонимки? Никаких доказательств, что анонимные письма написаны именно работниками милиции, МВД представлено не было. Да и вряд ли они могли быть вообще. Это уже потом в «Бронированных мундирах» все обвинения бездоказательно и публично будут предъявлены МВД Карелии. Это равносильно тому, что я тогда или сейчас выдвинул бы с таким же успехом свои версии: анонимки родились в КГБ, который рьяно выполнял указания первого секретаря обкома по дискредитации работы органов МВД, или в прокуратуре республики, которая пыталась таким образом выйти из тупика по уголовному делу; а может, их сочинили в самом обкоме КПСС, который возглавлял, как известно, чрезвычайный и полномочный посол, в прошлом полковник КГБ Степанов.

Одно могу со всей уверенностью заявить: в истории карельской милиции не было прецедента обращения в посольства зарубежных стран, да и далеки работники милиции в силу своей «ассенизаторской» роли от таких амбиций. Я не исключаю никаких вариантов, в том числе и милицейского, но думаю, что ближе к такому жанру искусства стоят другие структуры.

Тем временем в августе 1986 года в Верховном суде республики было рассмотрено то самое пресловутое нашумевшее уголовное дело.

Адвокатом по нему выступал представитель Ленинградской областной коллегии адвокатов Е. Малев, много лет возглавлявший эту структуру. Его пригласили сотрудники уголовного розыска во главе с А. Истоминым.

Помню, как в карельской печати чиновники то ли от прокуратуры, то ли от партии обрушились на МВД за то, что сотрудники УР адвоката встретили на вокзале и довели до гостиницы «Северной». Экое преступление! Работники УР доказывали, что Малева везли на личной машине. В общем пахло каким-то маразмом. Я же, прочитав эту дурацкую заметку, был приятно удивлен. Е. Малев — это же Женя Малев, мой однокурсник по юридическому факультету Ленинградского университета. Все пять лет учебы мы были в хорошей дружбе.

Естественно, у нас состоялось с ним несколько встреч. И он мне совершенно откровенно говорил то, что думал о процессе. Он говорил, что давно не встречал в своей практике, а его адвокатская практика насчитывала несколько десятков лет, такого обвинительного уклона при весьма шатких доказательствах. Дело, по его глубокому убеждению, имело все основания быть направленным на доследование.

На мой взгляд, Верховный суд не мог, увы, не учитывать давления обкома КПСС. Единственное благое дело, которое сделал суд, так это применил в отношении обвиняемых ребят условную меру наказания, то есть освободил их из-под стражи. И на том спасибо. Хотя и с этим приговором обвиняемые не согласились и в знак протеста не хотели сразу выходить из следственного изолятора.

Таким образом, по моему глубокому убеждению, в 1986 году карельская Фемида (я имею в виду предварительное следствие и судебный процесс по данному уголовному

делу) превратилась в покладистую бабенку, с глаз которой слетела повязка.

Не успели высохнуть чернила на приговоре, не успели обвиняемые обжаловать приговор, как буквально через несколько дней состоялось заседание бюро Карельского обкома КПСС. Срочно, как будто решались вопросы исключительной государственной важности, летели самолетом по приглашению обкома руководящие работники МВД, прокуратуры, КГБ страны. Государственный обвинитель на бюро — обком в лице первого секретаря. Обвиняемый — МВД Карелии.

Докладчик — председатель партийной комиссии М. Захаров, которому поручалось провести партийное расследование и который в связи с этим неоднократно бывал у нас в министерстве и в Октябрьском РОВД на коллегиях и партийных собраниях. Критически оценивая обстановку, он тем не менее говорил о том, что действия министра в этой непростой обстановке на протяжении всего периода расследования уголовного дела были правильными. В результате были освобождены от занимаемых должностей министр, заместители Акимов, Ширков, начальник УР Стеблецов, руководители Октябрьского РОВД и ряд других сотрудников МВД. Мне, как члену КПСС, объявили выговор.

После бюро Степанов заявил мне, что если я попробую критиковать обком и буду сопротивляться, то он «достанет» меня через «Литературную газету». В то время «Литературная газета» выступала с сенсационными разоблачениями номенклатурных работников, что вызывало большой общественный резонанс и соответствующую реакцию властей.

Впоследствии эта угроза будет осуществлена, только не в «Литературной газете», а в журнале «Огонек».

Объявленный мне, как коммунисту, выговор означал заслон моему продвижению по службе. Таковы были правила. Тем не менее, вопреки правилам, приказом министра внутренних дел страны А. Власова я был переведен в Москву — на должность начальника Управления внутренних дел в ракетных и космических войсках Министерства обороны.

Таким образом, эффект от козни оказался прямо противоположным. Я продолжал

пользоваться полным доверием руководства МВД. Степанова же явно не устраивало такое положение Мяукина как действующего генерала.

В марте 1987 года были опубликованы «Бронированные мундиры». «Огонек», возглавляемый небезызвестным Коротичем, с удовольствием наносил очередной удар по тоталитарной системе страны. Тираж журнала был большим, он распространялся во многих странах мира.

Буквально из ничего журнал поведал стране и миру, что самая грязная, самая жесткая милиция в СССР — карельская. Конечно, это нонсенс, но многомиллионный читатель не без интереса проглотил эту информацию.

Понятно, чего добивался Коротич. Степанову же власть и на этот раз затмила глаза, и он, хотел этого или нет, стал союзником Коротича в нанесении ударов по государственным институтам страны.

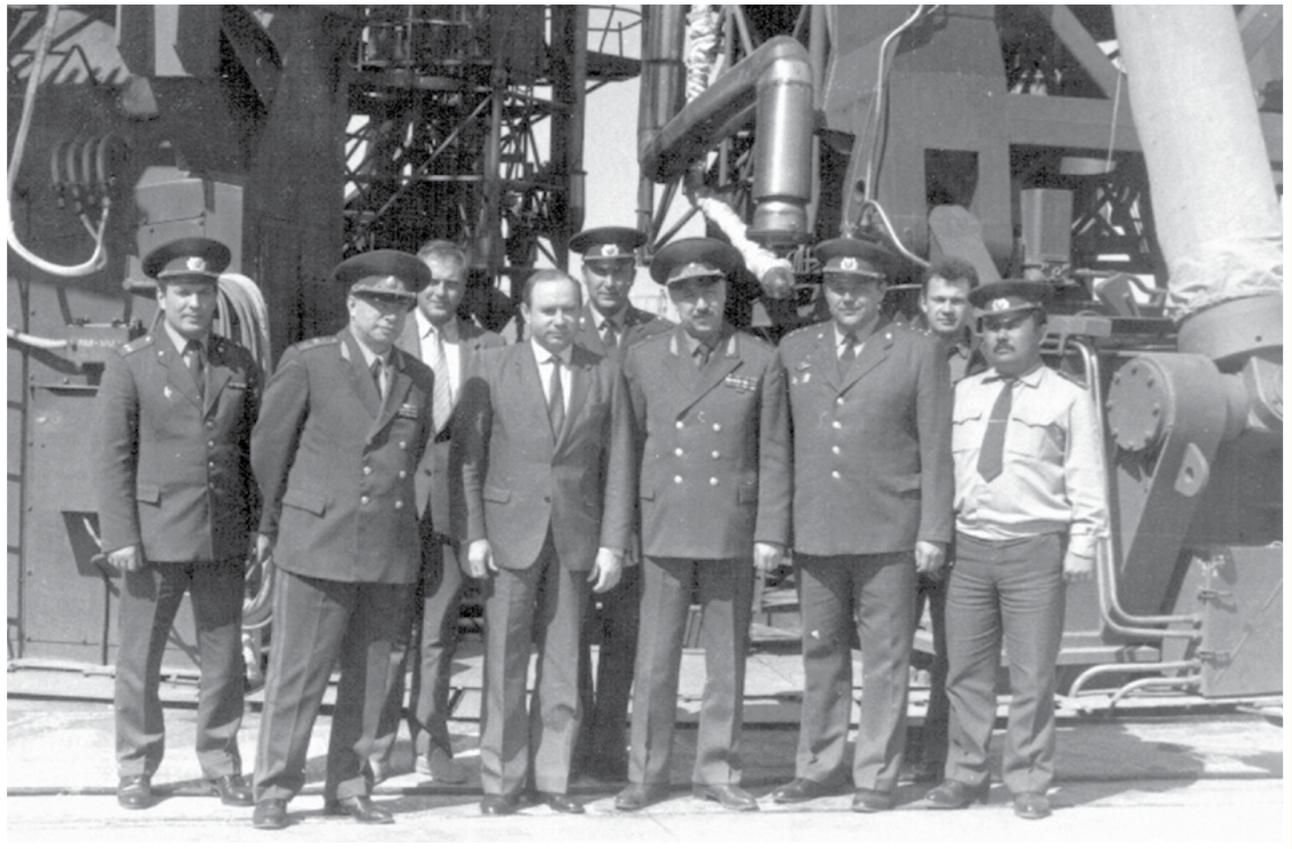
«Бронированными мундирами» Степанов хотел оправдать свои действия и сломить сопротивление тех, кто не хотел быть слепым орудием самодурства. Неслучайно, что после опубликования «БМ» были настойчивые попытки добиться освобождения меня от должности — с отставным генералом разговаривать было бы легче. Но, как говорят, бодливой корове бог рога не дает.

Прокуратура Карелии после опубликования «БМ» пыталась развить свой «успех», возбуждая и расследуя уголовные дела в отношении сотрудников карельской милиции.

Пасквиль под названием «Бронированные мундиры» — на совести Карельского обкома КПСС и прежде всего его руководителя Степанова. Явно просматривается неприглядная роль в этом деле бывшего прокурора республики Богданова.

В 1989 году Степанов, потерпев поражение на выборах в народные депутаты СССР в Сортавальском избирательном округе, покинул родную Карелию.

Я продолжал трудиться на своем посту. Епархия управления внутренних дел, которое я возглавлял еще много лет, простиралась от Кольского полуострова до Камчатки, от Плесеца до Байконура. Был памятный 1991 год. Была борьба, полная драматизма, за Байконур с казахстанскими властями. Был не менее памятный 1993 год. Произошло много разных событий. Но это уже другие темы.

КАК МЫ СОХРАНИЛИ РОССИЙСКУЮ МИЛИЦИЮ НА БАЙКОНУРЕ

С августа 1986 года, когда я был переведен в Москву, начался новый этап моей жизни. Позади остались 32 года жизни в Карелии, ставшей для меня второй Родиной.

Я был назначен начальником Управления МВД СССР в ракетных и космических войсках Министерства обороны.

Признаюсь. Когда я работал в Карелии и слышал различную информацию о нашей мощи в ракетно-космической сфере, то иногда закрадывалось сомнение. А вдруг это блеф, и эта мощь... пропагандистская, придуманная, чтобы сдерживать и пугать наших противников.

Но когда я стал работать на новой должности, побывал в центре ракетных и космических войск, объездил все наши «точки» на территории Российской Федерации и трех союзных республик — Украины, Белоруссии и Казахстана, включая известные космодромы Байконур и Плесецк, убедился, что наша огромная ракетно-ядерная мощь — реальность. Советский Союз был действительно мощнейшей державой с огромным военным потенциалом.

На всех крупных точках, где были и военные, и гражданские лица, имелись наши подразделения, так называемая «спецмилиция». Это были такие микро-отделы и микро-управления внутренних дел, где имелись работники и уголовного розыска, и БХСС, и ГАИ и т.д., то есть в этих закрытых военных поселках, городках и городах, как например, город Ленинск у космодрома Байконур, работали наши подразделения милиции. Также там имели своих работников и военная прокуратура, и КГБ.

Когда я уходил с поста министра, здесь, в Карелии, было сделано все, чтобы я не попал в центральный аппарат МВД СССР. Так и случилось. Но, как показали время и история, это к лучшему. Если бы я перешел в центральный аппарат, то в 1991-1993 гг. неминуемо попал бы под массовые чистки кадров.

Космодром Байконур — особая тема. Как только Казахстан получил независимость, президент Назарбаев, сильный и умный политик, сразу поставил задачу, чтобы хозяевами космодрома стали казахи. И сразу же был поставлен перед нами вопрос, чтобы

там было казахстанское управление внутренних дел, а не российское.

Мне пришлось тогда не раз летать и на Байконур, и в Алма-Ату по этой проблеме. Сложность вопроса была еще и в том, что администрация города Ленинска подчинялась казахстанской власти. Во главе города был тамбовский мужик, но он такую антироссийскую политику проводил, что не дай бог... И они ставили задачу во что бы то ни стало убрать нашу милицию. Шло постоянное давление на нас, бесконечные придирки — мол, не так работает наша милиция.

Обстановка в городе была очень нехорошая и конфликтная. О том, до каких крайностей доходила ситуация, говорит такой факт. Работники нашей военной прокуратуры не выдержали давления и постоянных оскорблений и покинули город. Военный прокурор ракетных войск стратегического назначения Иван Игнатьевич Лебедь вынужден был отдать приказ и ликвидировать прокуратуру на Байконуре. Прокуроры ушли, а свои обязанности возложили на... начальника нашей милиции. Это уникальный, беспрецедентный случай. Как говорится, ни в какие юридические и правовые каноны не лезет. И все же мы тогда устояли. Военные, служившие на

космодроме, сделали такое заявление: если уйдет наша милиция, а это была большая сила — сотни человек, то уйдут и они.

Так мы сохранили свою милицию в Байконуре, а казахи создали свою. Наши работали с россиянами, а они — со своим населением.

Когда все утряслось, наш отдел там укрепили и усилили, сделали управлением внутренних дел. А окончательно все разрешилось, когда в марте 1994 года был подписан договор об аренде комплекса Байконур — космодрома и города — между Россией и Казахстаном. Ленинск тогда переименовали в Байконур, а в декабре 1995 года он получил статус «города федерального значения с особым режимом функционирования объектов».

Байконур — это гордость Советского Союза, первый полет Юрия Гагарина, сотни других стартов, судьбы многих тысяч военных и гражданских специалистов, которые там служили и работали с середины 1950-х годов. Байконур надо было сохранить, и мы его сохранили. Не скрою, я горжусь, что в этом есть доля моего участия и труда. Помню всех своих коллег и сослуживцев, с кем тогда работал. Среди них С. С. Астафьев, И. Н. Гречин, И. Ф. Пристром, В. А. Шибаяев, Ю. Д. Торубаров.

В 1987 году уникальный советский "Буран" совершил первый и последний полёт в космос

ГОРЬКИЕ ДЕВЯНОСТЫЕ

Конец 1991 года — это распад Советского Союза. Тогда же началась чистка генералитета в МВД. Как известно, министр внутренних дел Б. К. Пуго входил в состав ГКЧП. Был издан приказ о его аресте, но он 22 августа покончил жизнь самоубийством.

Понятно, что сразу после тех августовских событий началась чистка милицейского генералитета, которая длилась до конца года и позже. Новый министр внутренних дел России Виктор Ерин был утвержден в этой должности только 15 января 1992 года.

Чистка генералитета была и после тех событий, продолжалась и в 1994 году. Помню, в феврале 1994 года в Москве проходило трехдневное всероссийское совещание руководства МВД и региональных управлений органов внутренних дел. Выступал министр Ерин, и многие обратили внимание, как ярко отсвечивает на его мундире звезда Героя России. Я смотрел тогда на него и думал: «Что ж ты так гордишься этой звездой. И вообще — за что ее дали... Какой ты герой...»

На том совещании выступал премьер В. С. Черномырдин. Он всегда говорил интересно и необычно. Вот и в тот раз отличился. Сказал примерно так: «Меня упрекают, что я был красным директором. А я горжусь, что был красным директором...» И после этих слов раздался мощный гром аплодисментов, ведь аудитория была в основном советская. И генералитет, несмотря на чистку 1991 года, был «красным».

Я сидел тогда и думал: «Ну все, ребята. После этих аплодисментов собирайтесь на пенсию. Этого не простят...» В президиуме сидели люди Ельцина, и они, конечно, не могли не понять, что в зале сидят «красные» генералы.

И чистка продолжилась — в

Москве и на местах. Но я тогда вновь усидел, хотя понимал, что пришло время уходить. Да и возраст. Когда-то был самым молодым генералом в системе МВД страны. А в начале 1995-го оказался среди самых пожилых — пошел 64-й год. В МВД России наступили новые времена, новые правила, которые я не мог принять, не мог согласиться с ними. Началась приватизация, пошли коррупционные схемы...

В начале 1995 года я подал рапорт и вышел в отставку. Потом пройдут годы, и мой сын — полковник милиции — тоже уйдет в отставку по той же причине: не пришло время безнаказанно честно служить Отечеству... А потом и внук. Я одобрил их решение.

С августа 1986 по февраль 1995 года — почти девять лет длился этот период моей жизни и работы в новом МВД. Много пришлось увидеть, пережить, осмыслить, учитывая, что в стране произошла коренная ломка всех основ жизни...

Наше время — вторая половина XX века — это время интереснейших событий в стране и в мире. Время созидания, когда Советский Союз был великой и мощной державой, и, к сожалению, время разрушения, когда был развален СССР. Я горжусь многим, что удалось сделать со своими соратниками в годы созидания в комсомоле и в МВД.

**Президент РФ В. В. Путин поздравляет ветеранов Карелии.
(Второй слева) председатель Совета ветеранов МВД по Республике
Карелия Василий Егорович Барсуков (1989-2013 гг.)**

**Министры внутренних дел Карелии (разных времен, слева направо)
В. И. Кононов, В. И. Сидоров, В. П. Мяукин, И. М. Прохоров. Август 1995 г.**

Сотрудничество художников России Бориса Поморцева и Валентина Чекмасова с В. П. Мяукиным и МВД Карелии продолжилось спустя десятилетия. При поддержке министра внутренних дел по РК И. В. Алёшина ими была создана портретная галерея руководителей органов внутренних дел Карелии. 10 ноября 2008 г.

Игорь Алёшин на посту министра внутренних дел Республики Карелия (2006-2008) достойно продолжил традиции, заложенные при В. П. Мяукине. По инициативе И. В. Алёшина 10 ноября 2008 года был открыт современный госпиталь для сотрудников МВД

К 85-летию МВД Карелии состоялось открытие памятника, посвящённого работникам правоохранительных органов Карелии, погибшим при исполнении служебного долга. (На фото) министр внутренних дел Карелии И. В. Алёшин торжественно открывает памятник

В 2000 году В. П. Мяукин создал и возглавил Карельское землячество в Москве. В него входят многие известные всей стране люди, которые жили и трудились в Карелии. На фото (слева направо) А. В. Мяукин, первый заместитель начальника Департамента по финансово-экономической политике и обеспечению социальных гарантий МВД РФ С. К. Шкулепа, министр внутренних дел Карелии (2006-2008) И. В. Алёшин, член Совета Федерации В. А. Фёдоров, министр внутренних дел Карельской АССР (1972-1986) В. П. Мяукин, министр внутренних дел Карелии (1998-2001) И. Б. Юнаш, министр внутренних дел Карелии (2002-2006) Д. М. Михайлов. 2016 г.